

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ

Вселенной никогда не быть прежней

БЛУДНЫЙ СЫН,

ИЛИ ОЙКУМЕНА:
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ
Книга 1. ОТЩЕПЕНЕЦ

Ойкумена

Генри Олди

Отщепенец

«Автор»

2018

Олди Г. Л.

Отщепенец / Г. Л. Олди — «Автор», 2018 — (Ойкумена)

ISBN 978-5-389-14689-1

Гюнтер Сандерсон – молодой эмпат с просвещённого Ларгитаса, обладатель уникальных способностей. Мирра Джутхани – бродяжка с нищей Чайтры, звёздная автостопщица, зарабатывающая на жизнь энергоресурсом собственного тела. Кто бы мог предположить, что случайная встреча Гюнтера и Мирры в окрестностях загадочного Саркофага поставит две космические цивилизации на грань войны, ловцы собьются с ног, охотясь за удивительной добычей, а светила науки сломают свои высокоорганизованные мозги, попытаюсь разобрать чудо по винтикам? «Блудный сын» – пятый роман эпопеи «Ойкумена», давно заслужившей интерес и любовь читателей. «Космическая симфония» была написана Г. Л. Олди десять лет назад, а в «одной далекой галактике» год идет за два – не зря у нового романа есть подзаголовок «Ойкумена: двадцать лет спустя». Что дальше? Вселенной никогда не быть прежней.

ISBN 978-5-389-14689-1

© Олди Г. Л., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Пролог	5
Часть первая	11
Глава первая	11
Контрапункт	26
Глава вторая	33
Контрапункт	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Генри Лайон Олди

Отщепенец

(космическая fuga)

Пролог

Антис – человек, от рождения наделенный способностью к переходу в измененное, расширенное состояние (по К. Челковцеву) и как следствие – к выходу в открытый космос без средств защиты и перемещению со сверхсветовыми скоростями без использования РПТ-манёвров. В измененном состоянии разум и тело антиса представляют собой единый энергетический сгусток огромной мощности.

Социализация антисов затруднена: в детстве они часто бывают вспыльчивы, раздражительны, склонны к немотивированной агрессии. По этой причине в обитаемых секторах Галактики действуют особые службы по выявлению антисов в возрасте до семи лет. Выявленные дети воспитываются опытными педагогами по специальным методикам, облегчающим дальнейшую социализацию. В итоге большинство антисов вырастает с сознанием своей ответственности перед человечеством. Периодические вспышки их антисоциальной активности носят локальный характер и имеют минимальные последствия.

Малая Галактическая Энциклопедия, том 2.

– Детка, чего ты ломаешься?

Действительно, подумала Мирра. Чего я ломаюсь?

– От тебя что, убудет?

Не убудет, подумала Мирра. В худшем случае, прибавится.

– Три дня, – развивал успех Боров. Читать по лицам он был не мастак, но молчание Мирры счёл несомненным успехом. – Парни сейчас подойдут, я им уже маякнул. Съездишь с ними на адресок, потусуешься три дня. Знаешь, какая тут скукота? Хоть в петлю лезь, честное слово! А так развлечёшься, оттянешься по полной. Не парься, много не требуют. Деньжат подкинут на обратную дорожку. Хоп, и ты уже на «Вкусняшке», летишь обратно на свою Чайтру.

– На Китту, – поправила Мирра. – Я вписалась к тебе на Китте.

– Хорошо, на Китту. Ну что, по рукам?

Мирра наклонилась вперёд:

– Сутенёришь, *ларги*? По маленькой, а?

– Не называй меня так, – насупился Боров. – Обижусь.

– Как тебя не называть? Сутенёром? Или ларгí?

Или Боровом, мысленно добавила Мирра. Разумеется, вслух она этого не произнесла. У Борова была тяжёлая рука. До сих пор он ни разу не ударил Мирру, но всё когда-то случается в первый раз.

– Заноза! – буркнул Боров, успокаиваясь. – Вот ведь заноза!

– Пускай заноза. Лишь бы не *puníscali*!

– Кто?!

– Шлюха!

– Слушай, но мне же ты дала? Раз, и в койку, и ноль проблем. Какая тебе разница, я или не я? Только не говори, что я твой принц на белом двигуне...

Тебе я дала, согласилась Мирра. У тебя отдельная каюта.

Каюта Борова, старшего механика на ларгитасском грузовом рефрижераторе «Вкусняшка» – не люкс для новобранцев, зато с персональным санузелом и ионным душем. Застряв на Китте без гроша в кармане, Мирра с радостью нанялась бы куда угодно, хоть в крематорий. Печи, сжигавшие мертвецов, на Магхе, Чайтре и Пхальгуне обеспечивали энергией исключительно *чандалы* из касты неприкасаемых. Такая запись в чипе трудоустройства, имплантированном между бровей, означала поражение во всех правах, включая запрет на ношение любой одежды, кроме будничной, и любых украшений, кроме железных. Без грязной работы в этом гадском мире не обойдёшься – раса Брамайн на двадцать три процента состояла из неприкасаемых, но Мирра вовсе не горела желанием пополнить собой злополучные проценты. К счастью, работодатели Китты, курортной планеты, принадлежащей расе Вудун, к формальностям относились спустя рукава. На брамайнскую кастовую систему здесь чихать хотели, полагая её дикарским суеверием, и в зоне для бюджетного отдыха всегда находился шанс подработать без записи в чипе. Всегда? Чёрта с два! Мирра сбила ноги, бегая за удачей. Собственное имя – Мирра означало «преуспевающая» – казалось издевательством чистой воды. Все бригады *толкачей*, куда она обращалась, были укомплектованы, молодая брамаини получала отказ за отказом. Страдания усиливали её внутренний энергоресурс, но одним энергоресурсом сыт не будешь, если, конечно, ты человек, а не аккумулятор. Когда отчаяние достигло предела, старуха-разносчица в портовой забегаловке, добрая душа, угостила Мирру кукурузной кашей с жареными томатами, сыпанула горстку сушёных гусениц, налила чашку эрзац-кофе из семян груши – и посоветовала девушке обратиться к Борову, извиняюсь, к стармеху Рудгеру Вандерхузену. Правнучка старухи, мол, год назад обращалась и не пожалела. Говоря о правнучке, которая не пожалела, старуха гримасничала и подмигивала, но Мирра списала это на обезьяньи повадки вудунов. Когда рефрижератор выходил на орбиту Китты, готовясь в назначенный диспетчером час стартовать к далёкому Шадрувану, Мирра сидела сиднем в третьем энергоблоке корабля, положив ладони на холодные, чуть шероховатые пластины трансформатора дублирующего контура, и бормотала освобождающую мантру: «Если есть у меня какие-то энергетические заслуги...»

В трёх опломбированных холодильниках, доверенных попечению Мирры на случай временного сбоя центральной силовой линии, лежал груз охлаждённых стейков. О, это был всем грузам груз! Не дешёвая синтетика, будь она проклята, или эрзац для нищелюбов, выращенный из стволовых клеток и подкрашенный свекольным соком, а самая натуральная говядина для утончённых желудков героических ларгитасцев, сражающихся на трижды заюпинской передовой научного прогресса. Короче, случись сбой в обеспечении холодильников энергией, и Мирру в ту же минуту пустили бы на стейки, бульон и жареные телячьи мозги с зелёным горошком, о чём ей недвусмысленно сообщил Рудгер Вандерхузен.

И добавил, словно говорил с умственно отсталой:

– Врубилась, детка?

Врубилась, кивнула Мирра. И похлопала ладонями по пластинам трансформатора, словно аплодируя ораторским талантам стармеха.

Телячьи, не телячьи, но чтобы занять свои собственные, томящиеся от скуки мозги, Мирра подсчитывала количество времени, которое проведут в аду любители стейков. Даже детям известно, что нечестивец, вкушивший мясо священного животного, воплощения Камадхены, исполнительницы желаний, будет страдать в аду столько лет, сколько волосков растёт на теле коровы. Берем площадь коровы в квадратных сантиметрах, минус рога, копыта, нос, глаза и анальное отверстие, умножаем на количество волосков, растущих на одном квадратном сантиметре; прикидываем количество стейков, получаемых из одной коровы...

Иногда Мирра жалела, что не родилась гематрикой. Уж эти-то ходячие компьютеры живо справились бы с говяжьими расчётами! И взялись бы за следующие: площадь стармеха Вандерхузена в квадратных сантиметрах, минус глаза, нос, ладони и подошвы ног...

Боровом стармех стал для Мирры ночью, когда предложил девушке разделить с ним каюту. Grimасы старухи мигом обрели конкретное значение, но Мирра была не из приверед. В своё время она всласть нарадовалась корабельным «общакам» толкачей, набитым доверху потными, скверно пахнущими телами, как консервная банка – килькойпряного посола. В бригадах трудились и мужчины, и женщины, но спали все вместе, на жиденьких ковриках, брошенных на пол. Нужду справляли в крошечном туалете, примыкавшем к «общаку». Два жалких санитарных утилизатора, сел-встал, в дверь уже стучат! Вероятно, на «Вкусняшке» нашлись бы места почище, но от добра добра не ищут, и предложение стармеха девушка сочла подарком судьбы. Желания Борова, вопреки опасениям, оказались простыми, без выдумки, а главное, непродолжительными. Пять минут, включая снятие штанов, и Боров уже спал без задних ног, отвернувшись к стенке. Ночью он не храпел, а во время секса деликатничал, стараясь не наваливаться на Мирру всей тушей, за что девушка прониклась к стармеху искренней признательностью.

Ну, во всяком случае, до того момента, как они прилетели на Шадруван – и Боров, скотина, решил её облагодетельствовать.

Согласно статистике, брамайны страдают от физических неудобств примерно в девять раз больше, чем представители других рас Ойкумены. Это обусловлено брамайнской природой: от страданий сородичи Мирры накапливали в себе энергию, которую были способны передать на техническое устройство. Густонаселенные, нищие, грязные, лишённые элементарного комфорта, с жарким и влажным климатом, планеты расы Брамайн свидетельствовали не о дикости населения или преступном бездействии властей, как полагали многие, а о рачительном отношении к дарам эволюции – чем больше телесных мук, тем лучше! Корабельные «общаки» преследовали ту же цель: рост ресурса «толкачей» на случай перерасхода. Впрочем, инорасцы считали брамайнов существами бесчувственными, аскетами, равнодушными к условиям обитания – внешне уроженцы Пхальгуны или Чайтры слабо реагировали на зной, голод или жажду, а мир судит о страданиях по тому, как громко ты плачешь или ругаешься. Веди Боров себя иначе, грубее, и Мирра повысила бы свой энергозапас. Но холодильники не требовали перерасхода энергии, на них вполне хватало обычной нормы, поддерживаемой без усилий, так что спасибо, дорогой Боров, пусть тебе снятся сладкие сны.

– Это что? – Мирра повела рукой. – Всё это?

– Кафе, – объяснил Боров. – Ну, столовка, для сотрудников.

– Нет, я о другом. Что здесь такое? Рудники?

– Саркофаг.

– В смысле?

– Да нет тут никакого смысла, детка. Куриное яйцо размером с город, аномалия природы. Били, били, не разбили... Яйцо и станция наблюдения при яйце. Сидят, ждут у моря погоды. Может, чего вылупится? Одиннадцать лет ждут, придурки, или двенадцать, не помню уже. Ты врубаешься, а? Уйма времени! Зарплата, премия, надбавка за вредность – денежки капают, чего ж не ждать? Я бы сто лет ждал, честное слово...

– И всё?

– И всё. Планета необитаемая, на карантине.

– Тут что, одни учёные?

Боров смеялся долго, вкусно. Щёки Борова тряслись, изо рта летели брызги слюны. Для ларги, как презрительно звали брамайны граждан просвещённого Ларгитаса, он с преступным легкомыслием относился к науке в целом и к учёным в частности. Видимо, сказывались годы, потраченные на перевозку стейков. Пока он смеялся, Мирра разглядывала столовку. На Чайтре эта столовка называлась бы рестораном, щеголяя первым, а то и высшим классом. Народу вокруг было мало, человек пятнадцать. По меркам брамайнских планет с их чудовищной скученностью – считай, вообще никого. Люди ели, пили сок, беседовали, нимало не интересуясь

Миррой и её спутником. Вру, поправила себя Мирра. Вон, косой взгляд. И вон ещё. Яйцеголовых ларгí раздражает присутствие грязной энергетки. Так раздражала бы собака – кудлатая, слюнявая, с вываленным языком, которую не гонишь прочь лишь из опасений повздорить с хозяином. Ага, вы любите нас, как мы любим вас. Трахнуть меня скучающим работникам умственного труда не зазорно, главное, не выпячивать грешок на всеобщее обозрение. Ходи потом в зоофилах! Ага, ещё взгляд. Славный мальчик, пушок на щеках. Смотрит без презрения, с интересом. Знакомый интерес, понятный. Ой, мы застеснялись! Ой, мы потупились, мы кушаем омлет...

– Учёные, – отсмеявшись, подтвердил Боров. – На вишне копчёные. И обслуга, не без того. Раньше были гематры, сейчас нет. Может, осталась пара-тройка, я не в курсе.

– Это тоже учёный?

Мужчина, на которого указала Мирра, с увлечением грыз ногти. Вредная привычка, обычное дело, но никогда раньше молодой брамайни не встречались люди, наслаждающиеся процессом так, как этот ларгí. Прикусить заусенец, потянуть, отпустить. Облизать палец. Пощёлкать ногтем, цепляя и отпуская острый край зуба. Отгрызть кусочек. Пожевать, сплюнуть на ладонь. Изучить выплюнутое. Сунуть обратно в рот. Томно прикрытые глаза. Еле слышные стоны наслаждения. Бисеринки пота на лбу. Складывалось впечатление, что за столиком сидит эксперт, дегустирующий редчайший сорт бренди из закрытой коллекции для миллиардеров.

– Учёный, детка. Клаас Янсен, граф форономии. Ты не думай, он нормальный, просто обкуранный. Тут знаешь, какая травка растёт? Покуришь, и крыша набекрень.

– Знаю, – отмахнулась Мирра. – Курила.

– Что ты курила, детка? Тут травка – всем травкам травка. Примешь косячок, и свет тебе видится мягким. Порезала палец – на хи-хи пробивает, врубилась? Запах цветов – вкуснотища. Гладкое – страх. И закат солнца – страх, но другой. Красное вроде как музыка. Зубы болят – в радость. И всегда по-разному, не предугадаешь. Слух превращается в зрение, осязание – в обоняние...

– Жизнь – в дерьмо. Покурил пару лет, и бегом на кладбище.

– А вот и нет! Проверенное дело, вреда – ноль на выходе. Час кайфа, и отпустило без последствий. Тут многие покуривают. Я хотел вывезти чуток, на продажу, да нельзя – карантин. Лишат лицензии, а то и в тюрьму законопатят. Ты не ерепенься, а? Парни подвалят, ты иди с ними. Они тебе и курнуть дадут, и нальют, и вообще...

– Не пойду, – решила Мирра. – Не пойду я с твоими парнями.

– А с кем ты пойдешь? Куда?!

– А вот с ним! Эй, красавчик! Да, ты, с омлетом...

Мальчик встал:

– Это вы мне?

– Бери омлет, иди сюда. Садись, я девочка добрая, не укушу. Давай так: как ты скажешь, так я и сделаю. Знакомься: это старший механик Вандерхузен.

– Очень приятно, господин Вандерхузен, – мальчик кивнул. На вид ему было лет восемнадцать. – Меня зовут Гюнтер, Гюнтер Сандерсон.

– Рад знакомству, господин Сандерсон.

Мирра не ожидала от Борова вежливости. Сказать по правде, она ожидала грубости, даже хамства. Но Боров усталился на мальчика так, словно того отлили из червонного золота. Ты вытянула козырную карту, сказала Мирра себе. Будь здесь рудники, пришли бы заскорузлые шахтёры, дали бы Борову денег, мальчику – по морде, и пошла бы ты с шахтёрами куда велено. Хорошо, что на Шадруване нет рудников. Хорошо, что мальчик золотой. И симпатяга: чистенький, невинный, долговязенький. Ноздри, правда, татуированные.

– Клёвая татуха, – Мирра указала на нос Гюнтера. – Где колол?

- Дома, – мальчик покраснел. – На Ларгитасе, в интернате.
- В интернате?
- Давно, ещё в первом классе.
- Обалдеть! И как начальство? Учителя?
- Нормально.
- Прогрессивный у вас интернат! У меня тоже татуха есть. Показать?
- Здесь?
- Нет, здесь нельзя, выгонят. Потом покажу, у тебя. Ты в общаге живешь?
- Нет, у меня коттедж.
- Отдельный?
- Ага.
- Вас там много живёт?
- Это мой коттедж. Я там один живу.
- Ты меня защитишь, Гюнтер? Ты же рыцарь?
- Я не рыцарь. Я ещё даже не кавалер, я учусь на втором курсе...
- Да какая разница? Защитишь или нет?
- От него?

Мальчик повернулся к Борову, и Боров побледнел. Бледность была бы уместна, окажись мальчик громилой с пудовыми кулаками, но про таких, как Гюнтер Сандерсон, говорят: соплёй перешибёшь. Важная шишка, уверилась Мирра. Хоть три говяжьих стейка ему скорми, хоть тридцать три – ни дня в аду, все грехи загодя списаны. Небось, папаша в чинах, со связями. А с виду скромняга, румянец аж горит. В мальчишке Мирре нравилось всё, за исключением одной плохо объяснимой странности. Молокососов, выросших в теплицах-оранжерейках, молодая брамайни, сбежавшая из дому в двенадцать лет, чуяла за сто миль. Смущение, желание, боязнь ударить в грязь лицом. Павлиний хвост, пустое фанфаронство. Кипение гормонов. От юнцов, которых знала Мирра раньше, пахло целым букетом чувств – этот запах привлекал или отталкивал, но всегда был легко уловим. От Гюнтера не пахло ничем, словно от пластикового манекена. Он смущался, краснел, пялился на Миррину грудь, воображал, где у девушки есть татуха, какую нельзя показать в столовке; он потел, ерзал на стуле, но при видимых – ясно видимых! – проявлениях эмоций Мирра ничего не могла отследить на уровне женской интуиции.

Ничего!

Это возбуждает, подумала Мирра.

– Вы её обижаете? – спросил мальчик у Борова. – Не надо её обижать, это нехорошо.

Боров вздохнул:

– Её обидишь, сынок! Будь начеку, это тебе не в носу ковырять. Короче, я звоню парням, – стармех исподлобья зыркнул на брамайни. – Я звоню парням, пусть не едут. Гуляй, детка, гуляй до отлёта. И смотри, не опаздывай! «Вкусняшка» ждать не станет. Врубаешься?

Мирра встала:

– Хочешь улететь без меня?

Боров уперся тяжёлым взглядом в Миррин живот:

– Не хочу. Хочу улететь с тобой. Моя каюта в твоём распоряжении.

Мирра кивнула, одобряя такой ход мыслей. Мужчина, которого Боров назвал Клаасом Янсенем, графом фонономии, всё ещё грыз ногти, и на ум Мирре пришла забавная идея.

– Пошли, ларгí, – велела она золотому мальчику, и Гюнтер поднялся без возражений. Прозвище «ларгí» он, видимо, слышал впервые. – Купишь мне вашей чудо-травки. Будет интересно, обещаю.

– Я не курю, – предупредил мальчик.

– А что ты тогда здесь делаешь? Тут от тоски сдохнуть можно. Вот, старший механик Вандерхузен подтвердит, он мужик бывалый.

- Я слушаю.
- Музыка? Сплетни? Бурчание в желудке?!
- Саркофаг.

Слушает он, улыбнулась Мирра. Саркофаг он слушает. Пожав плечами, молодая брамайни решила не уточнять подробности. И правильно, потому что расскажи кто-нибудь Мирре, какими они будут, эти подробности, девушка не поверила бы. А если бы поверила, то пошла бы не с Гюнтером Сандерсоном, а с теми парнями, которых сватал ей Боров, и сделала бы всё, чего бы парни ни пожелали. Нет, знай она о последствиях заранее, ни за что не пошла бы с мальчиком, хоть ты гони её кнутом.

Часть первая Дитя раздора

Глава первая Красный код, или «Аномалия» снова в деле

I

Плазменные «солнышки», горящие под потолком центрального поста, мигнули – и обзорники «Вероники» расцвели самоцветными россыпями звёзд.

– Есть выход в трёхмерку, – доложил штурман.

В комментарии не было надобности, но традиция есть традиция: на борту всё существенное должно быть озвучено вслух. Не нами придумано, не нам и менять.

– Засечка бакена? – буркнул капитан Шпрее.

– Есть засечка бакена. Отклонение по осям от реперной точки: ноль-ноль-семь – ноль-ноль-три – ноль-ноль-четыре. Превышение расчётной скорости – три процента. Произвожу коррекцию курса и скорости.

Тридцать семь лет выслуги у капитана. Двадцать три у старпома, двадцать один у штурмана. От десяти и больше – у остальных. За спиной у каждого сотни взлетов и посадок, тысячи РПТ-манёвров. Казалось бы, к чему дублирующие реплики, если корабль и экипаж превратились в единый слаженный механизм? Формализм? Рутина, давно утратившая смысл?

Не пора ли от неё избавиться?!

Крамольные мысли с завидным постоянством приходили в головы каждому выпуску курсантов Академии Космофлота. Юность – время ниспровержения основ. Бывалые звёздные волки не спорили с салагами: волки на то и волки, чтобы уметь ждать. Пять-семь лет на трассах, и ритуалы въедались в плоть и кровь, а следом приходило понимание: традиции гражданского флота, как и уставы ВКС, написаны кровью первопроходцев.

– Отклонение от графика?

– Опережаем на восемь минут тридцать две секунды.

– Скорректируйте опережение до одной минуты.

– Есть, капитан!

До финальной точки маршрута – системы Ларгитаса – оставался ещё один РПТ-манёвр. Капитан Шпрее расфокусировал зрение, перейдя на слоистое восприятие, совместил картинки с оптических обзорников и волновых сканеров – и панорама космоса раскрылась перед капитаном во всей полноте, доступной обычному человеку. Звёзды приблизились, надвинулись, переливаясь миллионами оттенков неповторимых спектральных ореолов. От этого зрелища захватывало дух даже у последних циников. Межзвёздное пространство обрело фактуру и объём, прошилось насквозь жемчужными паутинками силовых линий, наполнилось плеском гравитационных волн, уходящим в ультрафиолет...

Убогая адаптация. Максимум, доступный белковым ничтожествам, запёртым в жестянке корабля. Но даже эта безжалостно усечённая версия мироздания была прекрасна. Пожалуй, в тайном уголке души капитана, блюстителя традиций и убийственного педанта, все ещё жил тот восторженный мальчишка, что заболел космосом полвека назад: раз и навсегда.

За кормой «Вероники» мерцал бутон клубящегося мрака – разрыв пространственно-временной ткани, прореха во вселенском континууме, оставленная лайнером при выходе из гиперпространства. Час-другой, и рана затянется без следа. Пока же бутон и не думал закрываться. Напротив, он содрогался в противоестественных конвульсиях, распахивался шире, шире...

Шпрее моргнул, не веря своим глазам. Лепестки бутона превратились в жадную пасть, затрепетали в хищном пароксизме предвкушения. От них начали отрываться бесформенные ключья – и хлопьями пепла, влекомыми ураганом, устремились к «Веронике».

– Тревога! Флуктуативная атака!

Сказалась выучка экипажа: Шпрее ещё не отдал дальнейшие распоряжения, а из акустлинз уже посыпались доклады со всех постов:

– Защитное поле включено!

– Красный код! Повторяю: красный код!

– Есть красный код!

– Системы активной обороны включены! Идёт захват целей.

– Перерасчёт траектории! Экстренный уход в РПТ!

– Есть перерасчёт! Время до ухода в РПТ – две минуты одиннадцать секунд.

Не успеет, понял Шпрее. Он следил за голосферами волновых сканеров – там стремительно приближалась стая пульсирующих клякс. Фаги доберутся до «Вероники» раньше. Принять бой? «Вероника» – пассажирский лайнер, а не боевой фрегат, но у корабля для встречи фагов найдутся и клыки, и когти.

Выстоим, сказал себе Шпрее. У нас нет выбора.

– Отправить запрос о помощи по гиперсвязи.

– Запрос отправлен.

– Данные о количестве и классах атакующих флуктуаций.

Он справился с первым потрясением. Голос капитана звучал сухо, ровно, как на учебной отработке нештатной ситуации. Это подействовало: лицо штурмана разгладилось, на него снизошли спокойствие и сосредоточенность; перестали дрожать пальцы старпома. Запрос отправлен, все системы активированы – теперь осталось лишь продержаться до подхода помощи. От фага-одиночки «Вероника» отбилась бы и сама. Но к лайнеру приближалась стая.

Им необходима поддержка! Патрульный «Ведьмак»...

– Есть данные. Двадцать семь флуктуаций континуума, класс – от 1S-11- до 1C-15+...

Старпом продолжал сыпать цифрами: скорость, азимуты. Но Шпрее его не слышал. Скорость стаи уже не имела значения. Лайнеру не уйти в РПТ-манёвр, значит, нечего и суетиться. Взгляд капитана намертво прилип к сфере центрального сканера. Двадцать семь криптидов, и часть уже доросла до полноценных кракенов. На краткий миг Шпрее с тоской вспомнил те благословенные времена, когда о стаях флуктуаций ходили лишь жуткие легенды. Сотни лет фаги оставались одиночками. И вот – пожалуйста! Легенды ожили, всё летит в тартарары, и если рейдер не подоспеет вовремя, а лучше два рейдера, а ещё лучше...

– Антис!

Истинный ларгитасец, Шпрее не был суеверным. Но сейчас он готов был вознести благодарственную молитву любому божеству на выбор, как распоследний варвар. Антис! Герой космоса, защитник трасс! Передовой отряд человечества Ойкумены, к какой бы расе ты ни принадлежал! Да фаги сейчас брызнут прочь, если в их квантовых мозгах есть хоть капля соображения...

Капитан облизал пересохшие губы:

– Уточните.

– К нам приближается антис.

– Спектр?

– Волновой спектр соответствует расе Брамайн на семьдесят три процента.

- Слепок?
- Персональный волновой слепок в реестре Шмеера-Полански отсутствует...
- Что?!

Шпрее решил, что ослышался. Поверить в это было проще, чем в антиса, не значащегося в реестре.

– В реестре Шмеера-Полански отсутствует, – повторил старпом. Голос его дрожал. – Может, наша версия реестра устарела? Отозвать запрос о помощи?

– Нет!

От капитанского рыка старпом вжался в кресло.

– Где он?!

– Вот...

Световой маркер, дрогнув, указал на вихрящийся сгусток полей в сфере волнового сканера.

– Он... Он среди них!

Но Шпрее уже и сам видел: антис двигался в центре стаи, как... Как флагманский корабль в строю эскадры! Антис не атаковал фагов. Он шёл *вместе* с ними!

Шёл в атаку на «Веронику».

Почти физически Шпрее ощутил, как закипает его собственный мозг внутри черепной коробки. Сейчас капитану предстояло принять самое важное, самое отчаянное решение в своей жизни. Времени на сомнения не осталось.

– Огонь... – прошептал Шпрее.

Наружу не вырвалось ни звука: голосовые связки подвели. Шпрее сделал глубокий вдох и рывкнул во всю глотку:

– Огонь! Огонь на поражение!

Миг, и Вселенная распахнулась перед Рихардом Шпрее в своём истинном великолепии.

II

Изображение замерло.

Распялен в крике рот капитана. По щеке сползает блестящая капля пота. Всем телом подался вперёд штурман. Руки по локти утонули в сфере управления. Третий индикаторов на пульте горит красным. На обзорниках метёт звёздная метель.

– Итак, капитан Шпрее отдал приказ открыть огонь на поражение.

– Он уточнил цели?

– Нет.

– Почему? Там же был антис!

– Это был последний приказ капитана.

– В смысле – последний? Если не ошибаюсь, он выжил?

– Имейте терпение. Сейчас вы сами всё увидите.

Бреслау не спешил вмешиваться: уточнять, размениваться на мелочи. Время задавать вопросы придёт позже. Информации не хватало для полноценного анализа, и он впитывал её бездумно, про запас, как растение – воду. Минус третий этаж Управления. Малый зал для совещаний. В зале – полдюжины экспертов с соответствующим уровнем допуска. Экспертов вызывали в дикой спешке, выдергивали за шиворот из постели, ресторана, сортира. Конфидент-поле включено. Свет пригашен до мягкого полумрака, лиц не разглядеть. Люди в креслах похожи на оплывшие огарки свечей. Едва заметно подрагивает стоп-кадр, вызывая подспудное раздражение.

Поехали, что ли?

Момент, когда запись пошла дальше, Бреслау пропустил. Он смотрел на лицо капитана, а оно оставалось неподвижным. Не лицо – театральная маска с дырой разинутого рта. Лишь одинокая капля пота продолжила свой путь по щеке, оставляя влажную дорожку. Понадобилась пара секунд, чтобы осознать: вокруг движутся члены экипажа, совершают какие-то действия. Мигают индикаторы, меняется изображение на обзорниках... В голосфере погас свет, по центральному посту «Вероники» заметался тревожный багрянец – сполохи аварийных алармов. Аналитик, представлявший запись, подключил вспомогательные сферы, в них поползли объёмные диаграммы, строки и столбцы данных, картинки с волновых сканеров. Раздувшись, пупырчатый конгломерат сведений превратился в гигантский микроорганизм, собравшийся размножиться почкованием.

Уследить за всем было решительно невозможно. Позже надо будет пересмотреть записи по отдельности. Бреслау вновь бросил взгляд на лицо капитана – и его пробрал озноб. Экипаж вёл бой, лайнер содрогался в агонии, а на лице капитана Шпрее, сухаря из сухарей, застыло выражение благоговейного восторга. Будь капитан верующим, Бреслау решил бы, что Шпрее узрел лик Бога.

Встряхнись, велел он себе. Какой Бог? Откуда такие мысли?! Помогая вернуть самообладание, аналитик отключил звук. Крики паники, обрывки суматошных докладов – всё отсекло незримое лезвие. В тишине, рухнувшей на зал подобно удару молота, аналитик принялся комментировать происходящее.

– Как видно из этих данных, – зелёный световой маркер указал на левую нижнюю сферу, где столбцы цифр наперегонки бежали кросс, – налицо все признаки классической флуктуативной атаки. Сбои в энергосистеме корабля, аритмия напряженности защитного поля. Падение мощности реактора, несмотря на форсированный режим...

– Поэтому они не смогли уйти в РПТ? Не хватило мощности?

– Это одна из причин. Вторая – нехватка времени. Третья – существенные искажения параметров континуума, возникшие при атаке стаи. Данные сейчас обрабатываются.

В голосфере разыгрывалась трагедия. Экипаж лайнера – не матёрые волки из ВКС, а обычные «цивилы» – бился насмерть с порождениями космоса, спасая жизни: свои и четырёхсот двадцати восьми ни о чём не подозревавших пассажиров. Здесь же, в зале для совещаний, глубоко скрытом под землёй, эксперты вели дискуссию: уточняли нюансы, параметры, строили предположения и версии, словно речь шла о колонии простейших на лабораторном стенде. Чисто научный интерес, стремление установить истину; кофе, кондиционированный воздух, уют кресел.

Пора бы привыкнуть, вздохнул Бреслау. Он знал, что не привыкнет. Знал, что не даст и тени эмоций прорваться наружу, оставаясь для всех железным Тираном, бесчувственным сукиным сыном с клыками до пояса. Прозвище, полученное много лет назад во время разбора инцидента с яхтой «Цаган-Сара», оказалось на удивление живучим. Приросло намертво, не оторвать. Живучее – намертво? Парадокс, и тем не менее, дело обстояло именно так.

Снятся ли экспертам кошмары, подумал он. Наверное, снятся.

– Как проявил себя антис?

– Предполагаемый антис, – поправил аналитик. – Как антис – никак.

– А как кто?!

Впервые аналитик замялся, не сумев сразу сформулировать ответ.

– На фоне массивной флуктуативной атаки не удалось установить, какой из атакующих объектов ответственен за то или иное энергетическое воздействие...

– То есть?! Вы хотите сказать, что все воздействия были однотипными?! И вы не можете идентифицировать их источники?

– Пока не можем, – уточнил аналитик. – Наши специалисты над этим работают. Но по существу вы правы.

– И эти воздействия, – вмешался эксперт; он не спрашивал, он утверждал, – были характерными для атакующих флуктуаций, но спорными для антиса.

– Да, – признал аналитик.

Единственный в зале, чьё лицо оставалось ясно видимым благодаря отсветам из голо-сферы, он выглядел совершенно потерянным. Впору было поверить, что аналитик лично несёт ответственность за действия стаи фагов.

– Не будем спешить с выводами, – Бреслау счёл нужным вмешаться. – Сначала досмотрим запись. Покажите нам происходившее на корабле.

– Да, разумеется.

Аналитик стал возиться с настройками. Уродливые наросты расточились без следа, сфера приняла нормальный вид. В ней замелькала нарезка записей с разных постов корабля – монтажёр постарался на совесть.

Центральный пост. Старпом корчится в кресле, пытаясь принять позу зародыша. Кресло-трансформер подстраивается, но неудачно. Тело старпома сотрясают конвульсии. Голова раз за разом бьётся о подлокотник. Глаза закатились, слепо отблескивая белками. Штурман прирос к пульта. Руки ушли в сферу управления уже по плечи. В глазах – лихорадочный блеск. Из нижней губы, прокушенной насквозь, на подбородок стекает тёмная струйка. Между штурманом и старпомом застыл капитан Шпрее: статуя, олицетворяющая неземной восторг. Плюясь кровью, штурман выкрикивает какие-то команды. На бежевом пластике пульта ширится россыпь алых брызг. Из последних сил штурман удерживает себя на краю безумия, вынужден принять командование лайнером.

С опозданием включился звук. Сквозь щенячий скулёж старпома пробился хрип:

– Защиту в мерцающий режим! Реакторный отсек! Доложите...

Пост управления реакторным отсеком. Под низким потолком с покрытием из губчатого биопласта мечется киноварь алармов. Человек в форме техника лежит на полу без движения. Руки широко раскинуты. На лице – гримаса крайнего изумления, как у актёра, способного лишь на бездарный наигрыш. Левое веко подергивается. Лишь это позволяет понять: бедняга ещё жив.

– Волновые орудия! Непрерывный заградительный огонь!

Синий комбинезон с нашивками. Кто-то навалился на пульт, прямо в центре созвездия взбесившихся индикаторов. Левая рука вцепилась в рукоятку аварийного отключения реактора. Пальцы правой скребут по пластику. Пятёрня живёт особой крабьей жизнью, и Бреслау осознаёт: движения пальцев не бесцельны. Квадрат сенсорной матрицы под ними меняет цвет с пунцового на лимонно-жёлтый. По краям проступает весенняя зелень. Вслепую, наощупь, техник чудом возвращает реактор, готовый пойти вразнос, в штатный режим.

– Повторяю: заградительный! Отставить прицельный!

Кормовой пост управления огнем. Обзорники озаряются голубыми вспышками залпов. Кажется, что снаружи, в открытом космосе, ярится гроза. В такт вспышкам содрогается тело оператора-наводчика. Можно подумать, что он палит из древнего баллистического оружия, и каждый раз стрелка сотрясает жестокая отдача. По бледному высокому лбу, по впалым щекам текут ручьи пота. Наводчик моргает – у него нет и секунды, чтобы утереть пот с лица. Наводчик держит оборону.

Всё ещё держит, выигрывая для пассажиров жизнь – секунду за секундой.

В сферах сканеров бьётся о мерцающую преграду орда клубящихся сгустков. Залпы волновых орудий отшвыривают их прочь, но порождения искаженного континуума налетают вновь и вновь. Трепещущая пленка защитного поля бледнеет, съёживается: надувной шарик теряет воздух. Фаги жрут практически любую энергию, защита лайнера для них – тоже пища. Да, жгучая, неподатливая, сопротивляющаяся, но исход предreshён. В колючем пульсирующем коконе прячется десерт, и фагам не терпится добраться до самого вкусного.

Только ли фагам?

Вихрящийся сгусток полей и энергий похож на другие порождения континуума. Не знай Тиран, о чём (*о ком?!*) идёт речь, он бы принял его за ещё одну флуктуацию, просто классом повыше. Ну здравствуй, хищная загадка, которую сканеры определили как антиса расы Браммайн с точностью в семьдесят три процента. Антиса, чей волновой слепок не значился ни в одном атласе.

В чём заключалось различие поведения антиса и стаи, Бреслау ещё предстояло понять. Но он чуял его, это проклятое различие, подспудно улавливал на уровне интуиции – вируса, который с годами поражает любого толкового сотрудника разведки.

Тиран считал себя толковым.

Край голосферы озарила ослепительно-белая вспышка. Изображение на миг исказилось, подёрнулось рябью помех. Когда оно вернулось в норму, на месте вспышки распахнулся аспидно-чёрный цветок РПТ-разрыва. Из цветка в трёхмерное пространство, матово отблескивая, вывалились две несимметричные связки сигар.

«Ведьмаки» успели вовремя.

III

На ступеньках он задержался: хотел надышаться горечью ранней осени. Хрустнув шейными позвонками, Тиран обратил лицо к небу. Чёрточки перистых облаков – трещины на куполе из бледного хрустала – едва различимые, безопасные, они ширились, ветвящимися паутинками разбегались в стороны, взламывали твердь. Неосторожное касание, и хрупкая преграда обрушится с оглушительным звоном, рассыплется на тысячи острых осколков, оставляя человечество наедине с чёрной ледяной бездной, полной чудовищ.

Бреслау моргнул, и видение исчезло.

Всё закончилось, подвёл он итог. Закончилось, не начавшись. Горсть бюрократических формальностей, и дело «Вероники» ляжет в архив. Двое суток просмотров, совещаний и мозговых штурмов. Эксперты стоят на ушах. Белковые процессоры вычцентра хрипят загнанными лошадьми. Интерфейсы раздуло от потока обрабатываемых данных. Дымятся кристаллобазы накопителей. Аналитики на стимуляторах и энергетиках. Блуждание в потёмках. Рой гипотез, одна другой безумнее... Диагноз: остаточное возбуждение. И переутомление – куда без него? Дело закрыто, но принятые стимуляторы будут действовать ещё шесть-семь часов. Выспаться в ближайшее время не удастся. Позвонить жене? Сходить в театр? Тильда без ума от живых ретро-постановок. Она будет рада, что они проведут вечер вместе.

Бреслау полез в карман за коммуникатором, но остановил руку на полпути. Я никуда не спешу, мысленно сказал он себе. И повторил вслух для верности:

– Не спешу.

Тильда на работе, до вечернего представления – уйма времени, а до дома – пятнадцать минут прогулочным шагом. Прогулочным, мать его, а не галопом. Налить себе хорошую порцию бренди со льдом и тоником, зайти в вирт, изучить афиши, сделать выбор – и тогда уже звонить Тильде.

Да, именно так.

В пятый и последний раз приложив ладонь к папиллярному сканеру, Тиран покинул охраняемый периметр Управления научной разведки Ларгитаса. «Враг не дремлет!» – сто раз на дню изрекал полковник ван Вейк, замначуправ по режиму. Отойдя шагов на тридцать, Бреслау оглянулся. Чтобы охватить взглядом сорокаэтажный гриб здания, ему вновь пришлось задрать голову к небу. Обманчиво-прозрачную «ножку» с остеклением из поляризованного плексанола венчала серебристая «шляпка», под завязку напичканная аппаратурой контр-слежения. Управление торчало у всех на виду, но даже из сотрудников мало кто знал, что скры-

вают лабиринты подземной «грибницы», сколь далеко и глубоко они простираются. Под землёй располагалась и «Аномалия» – Отдел нештатных ситуаций, возглавляемый Тираном. Какая сволочь обозвала отдел «Аномалией», Тиран не помнил. «Хорошо хоть, не «Флуктуацией»!» – ворчал его заместитель, полковник Госсенс.

Тиран не возражал бы и против «Флуктуации».

Дорожка уходила в холмы. Ландшафтеры и дизайнеры-флористы постарались на славу: в волнах зелёного моря были живописно разбросаны островки коттеджей и особняков. Маяки вязов и клёнов – вспышки золота и пурпура – указывали путникам безопасный фарватер, ведущий к родной гавани.

Жилой комплекс Управления больше смахивал на элитный загородный поселок: ларгитасская разведка заботилась о своих сотрудниках. Тиран с супругой перебрались сюда четверть века назад – и ни разу об этом не пожалели. Бреслау жалел о другом: двое суток работы отправлены псу под хвост единым росчерком начальственного пера. Начальство требовало результат. Давило, теребило, вставляло фитиль. На исходе вторых суток Тиран сдался, нарушив собственное правило: нельзя показывать полработы. Не только дуракам – вообще никому.

Начальству – в первую очередь.

Наверх ушёл доклад с предварительными выводами экспертной группы и частным мнением Тирана. Частное мнение адъютант-генерала Бреслау, как и следовало ожидать, было проигнорировано. В антический центр «Велет» расы Брамайн отправили официальный запрос. Начальство брало быка за рога. Базовой версией экспертов был сбой аппаратуры слежения вследствие флуктуативной атаки, из-за чего расовую принадлежность антиса-разбойника удалось определить с точностью в семьдесят три процента, а волновой слепок и вовсе не получилось идентифицировать. В подобной ситуации запрос к брамаймам был неизбежен, как восход солнца.

Ответ центра на Чайтре в переводе с языка дипломатии на язык общедоступный, с хамской перчинкой, звучал так:

«Ваш запрос – бред сивой кобылы. Отвечать на него – себя не уважать. Но так уж и быть, снизойдем. Разуйте уши: нам в точности известно, где находился каждый антис расы Брамайн в указанное Вами время. Ни один из них и близко не подлетал к вашему долбаному лайнеру.

P. S. Хвалёная ларгитасская техника – тьфу, и растереть. Атака фагов, а она показывает хрен знает что. Убедительно просим больше не беспокоить нас подобными глупостями. С дружеским приветом, искренне ваши.»

По сути, ответ был созвучен другой версии: сбой аппаратуры оказался серьёзнее, чем предполагалось, и сканеры в итоге определили случайного фага, как антиса. В самом деле, не допускать же наличие в космосе антиса-рenegата (*террориста? психопата?!*), атаковавшего пассажирский лайнер во главе стаи флуктуаций?

По предварительному стовору, гласила бы полицейская формулировка.

С момента подачи скороспелого доклада прошло четыре часа одиннадцать минут. Исключительная оперативность, надо отдать начальству должное.

Он остановился. Двухэтажный особняк, где Бреслау жил с женой, освещённый ласковым послеполуденным солнцем, походил на сказочный домик, вырезанный из цельного куска сахара-рафинада. Старею, вздохнул Тиран. Делаюсь сентиментальным. Теряю хватку.

Упускаю очевидное.

«Тебе сообщили не всю информацию, болван. Данные с «Ведьмаков», пришедших на помощь лайнеру. Их не предоставили. А ты со своими аномальщиками даже не вспомнил о «Ведьмаках», сосредоточившись на записях с «Вероники». Что ещё от тебя скрыли?»

В кармане зажужжал уником. Тиран мрачно усмехнулся: похоже, «Аномалия» снова в деле.

«Поступили новые данные, – сообщение пришло по закрытому каналу. – Дело «Отщепенца» возобновлено. Немедленно прибудьте на рабочее место для получения инструкций. Возвращайте команду.»

Я молодец, оценил Бреслау. Я супергерой. Я не позвонил Тильде насчет театра.

IV

– Если есть у меня какие-то энергетические заслуги...

– Если есть у меня какие-то энергетические заслуги...

Повторив эту фразу вслед за учеником, Горакша-натх принял *асану*, именуемую Джану Ширшасана. Обнажённый, в одной набедренной повязке, спокойный на холодном ветру, гуру напоминал воду, льющуюся по своему желанию. Левую ногу он подобрал под себя, пяткой к паху, правую вытянул вперёд, устремив пальцы ноги к небу, а пальцы рук сомкнув на пятке – и лёг на вытянутую ногу, касаясь её грудью, животом и лбом.

Чёрные волосы упали вниз, на каменистую землю.

Ученик без промедления скопировал позу гуру. В его действиях чувствовалась сила и ловкость, отточенная годами упражнений, исполняемых с детства – скорее боевого характера, нежели общепринятых в мукти-йоге. Ученик гордился возможностями собственного тела и с охотой демонстрировал их, ожидая похвалы. Вьяса Горакша-натх, встретившийся сегодня с молодым человеком для свершения обряда, ничем не гордился, ничего не демонстрировал, ничего не ждал. Его асана была идеальна, не нуждаясь ни в усилиях, ни в чужих восторгах. Поэтому ученик, нарушая канон позы, исподлобья глядел на учителя, и в тёмных глазах ученика горела зависть, тоже тёмная.

– Omkār ādināthāya namaḥ...

– Omkār ādināthāya namaḥ...

Внизу текла река – желтая как желчь, вонючая как желчь. На волнах кудрявились бурные гребешки пены. По течению плыл дощатый плот. На плоту горел костер: огонь пожирал труп, даруя освобождение. Над рекой парил белогрудый коршун – падальщик, он высматривалдохлую рыбу или крабов. Кто-то мылся у берега, но кто именно, мужчина, женщина или ребёнок – с высоты было не разобрать. Отрешившись от внешнего, гуру сосредоточился на ученике. Только что оба они – и Горакша-натх и молодой человек – произнесли мантру освобождения энергии. В иной ситуации перед каждым располагались бы пластины трансформатора, и два брамайна уже сливали бы накопленный энергетический ресурс в заранее подготовленные аккумуляторы. Сейчас этого не произошло, и вовсе не из-за отсутствия трансформатора. Энергия слилась бы и без жалких устройств, созданных людьми – просто так, в пустоту, растворившись в природе тварного мира. Живой парадокс, искусство мукти-йоги, недоступное для большинства людей из расы Брамайн: объявить сброс энергии, запустить процесс, отлаженный веками эволюции – и остановить его, закупорив энергию в себе.

Так удерживают семя при соитии.

Гуру был совершенен. Из него не пролилось ни капли, верней, ни эрга сверх обычного расхода организма. Ученик, судя по ауре, терял энергию в рамках приемлемого. Горакша-натх ждал лучшего результата, но не слишком обольщался. Ему представили ученика как перспективного, но не в смысле постижения йоги – скорее, в смысле биографии, а значит, связей, полезных для ордена натхов. Глупо предъявлять чрезмерные требования: от молотка не ждут симфонии.

– Прими позу кобры, – велел гуру.

Ученик подчинился.

– Сурья Намаскар, – произнёс он, ложась на живот. – Приветствую Солнце.

– Приветствую Солнце, – кивнул Вьяса Горакша-натх.

Ученик сделал силовой прогиб в пояснице, оставив таз и ноги прижатыми к земле. Смотрел молодой человек строго перед собой. Безопасно, оценил гуру. Даже если у тебя смещение поясничных дисков – безопасно. С точки зрения расхода энергии – приемлемо. Формула сброса продолжала действовать, ученик противостоял ей, как мог, демонстрируя скорее усердие, чем мастерство.

– Большая кобра, – уточнил Горакша-натх. – Собака смотрит вверх.

Ученик уперся в землю ладонями – так, словно земля была пластинами трансформатора. С легкостью он оторвал от опоры живот, а следом таз, бедра и колени. Взгляд переместился выше, отслеживая воображаемый восход солнца.

– Нельзя перемещать весь вес тела на руки, – Горакша-натх встал, прошёлся вокруг ученика. – Нельзя провисать, расслабив поясницу. Нельзя проваливаться в плечи.

Ученик слушал. Он не допустил ни единой ошибки из упомянутых гуру. Он не знал, что обошёлся без ошибок. Он слушал и огорчился: с точки зрения ученика, его журили, отмечали недостатки. Огорчение девятикратно усиливалось сообразно природе брамайнов, и ещё раз девятикратно – сообразно характеру молодости, способной найти тысячу видов огорчения в любом замечании. Огорчение есть страдание. Как и любое страдание, оно видоизменялось, превращаясь в энергию. Горакша-натх внимательно следил за аурой молодого человека, отмечая скорость накопления, качество сдерживания и уровень неконтролируемого расхода.

Неплохо, отметил он. Совсем неплохо.

– Рудра Адинатх, Благой Владыка, знает восемьдесят четыре тысячи разнообразных асан, – произнёс он, глядя на реку. – Восемьдесят четыре асаны даны Адинатхом обычным людям. Я знаю триста десять.

– Рудра Адинатх, Благой Владыка, – повторил ученик, не меняя позы, – знает восемьдесят четыре тысячи разнообразных асан. Восемьдесят четыре асаны даны Адинатхом обычным людям. Я знаю пятьдесят три.

Зависть, вздохнул гуру. Он завидует мне.

Хорошо, что не Рудре.

Не говоря больше ни слова, он ударил ученика подбёгом стопы по затылку. Удар вышел не столько сильный, сколько резкий. Ударь Горакша-натх сильнее, и ученик заработал бы сотрясение мозга. В ауре молодого человека произошли изменения, и гуру анализировал их быстрее, чем кто-либо другой, в первую очередь, сам ученик. Удар есть страдание. Удар есть оскорбление, а значит, опять страдание.

А значит, энергия.

Скорость накопления. Качество сдерживания. Уровень неконтролируемого расхода. Всё ещё неплохо. Юноша скверно обучен, но у него отличные врождённые способности. В седой древности, когда традиции блюлись превыше всего, он бы до конца дней оставался *джигьясу* – «стремящимся к изучению» – продолжая жить обычной жизнью: заведя семью, избрав достойный труд ради пропитания. Выбери ученик аскезу, и гуру назвал бы его *аугхаром*, «не-стоящим-на-месте»: обрезал бы волосы, отсекая кармические реакции, и подарил бы свисток, а также чёрную нить, кручёную из шести шерстинок – символы тела, разума и энергии, прообраз семидесяти двух тысяч каналов тонкого тела. Этим всё и ограничилось бы, потому что Горакша-натх не видел в ученике потенции двигаться дальше.

Он пришёл за серьгами, сказал себе гуру. Он – раб честолюбия. Он хочет обрести статус *даршани* – «видящего». Хочет, чтобы я принял его как сына и отдал лучшее из того, что имею. Лучшим он считает серьги, глупец.

Он получит свои серьги.

Первый в ордене натхов, Вяса Горакша-натх в нарушение всех заветов позволил йогинам-мирянам просить у наставника серьги, означающие третий уровень посвящения. Никто из мирян не имел права на эти серьги, и никому из них с недавних пор не отказывали в просьбе –

если, конечно, миряне были способны вынести обряд. В отличие от истинных йогов, вместе с серьгами обретавших самостоятельность, «украшенные» миряне с этого момента беспрекословно подчинялись гуру, а это стократ окупало время, потраченное на обряд, и стоимость пары жалких серёг, даже если они по-прежнему делались, как и свисток, из натурального рога антилопы. Когда идешь к великой цели, нуждаешься в ступенях, и если ступени хотят носить серьги – пусть носят.

Ничто не повредит глупцу больше его самого. Когда понимаешь, что человек никогда не поднимется к вершинам, его стоит поощрить. Тебе всё равно, а ему приятно. Ругают и наказывают только самых талантливых. Гениев же мучают день и ночь, унижая всеми способами.

Бьяса Горакша-натх был гением. Много лет подряд из него вили веревки. Суровые наставники не знали пощады, требуя полностью управлять процессом превращения страданий в энергию. Ударь кто самого гуру – захоти Горакша-натх, и удар не принёс бы ему ни эрга дополнительной энергии, словно удара и не существовало, или напротив, принёс бы в полтора раза больше, чем обычному брамайну. Холод, голод, боль, обида – гуру владел механизмом своего энергетического ресурса так превосходно, что это выходило за пределы возможного, приводя окружающих в ужас или экстаз. Серьги в ушах Горакша-натха были заслужены целиком и полностью.

И всё-таки цель оставалась недостижимой.

– Omkār ādināthāya namaḥ...

– Omkār ādināthāya namaḥ...

Жестом гуру велел ученику принять Падмасану. Когда ученик подчинился, сев в позу лотоса, гуру ладонями закрыл ему глаза, как поступают с умершим человеком. Он не стал спрашивать, что делал ученик последние сорок дней? Спал по три часа в сутки? Читал мантру? Питался смесью муки, воды и масла гхи? Какая разница, если этот йогин – пустышка? При настоящем посвящении ученик все сорок дней провёл бы подле своего наставника, и в вопросах не было бы нужды. Не было в них нужды и сейчас.

– Сосредоточься на мантре, – велел Горакша-натх.

– Omkār ādināthāya namaḥ...

– Отрешись от всего.

– Omkār ādināthāya...

– Отстранись от всех объектов мира.

– Omkār...

Не будь гуру так равнодушен к ученику, он, пожалуй, вздохнул бы. Отрешенностью здесь и не пахло. Ученик нервничал, беспокоился, предвкушал. От него несло страстями, как от дешевой шлюхи – ароматическими притираниями. Раз так, пусть испытывает боль. Боль – универсальная валюта, она конвертируется во что угодно.

Горакша-натх достал узенький нож: таким чистят ногти.

Ученик вздрогнул, когда нож погрузился в его ушную раковину. Натхи носят серьги не в проколотых мочках, как обычные люди. Натхи прорезают ушной хрящ в центре, а эта процедура не из тех, какие легко стерпеть. Гуру резал, ученик страдал. Молодой человек закусил губу, из-под век текли слезы. Губы парня тряслись. Страдания превращались в энергию, энергия пополняла внутренний резерв – будь ученик истинным йоговом, достойным серёг, он удержался бы от этого процесса, столь естественного для любого из расы Брамайн, доказав свою особенность и стремление к истинной цели.

– Omkār ādināthāya namaḥ...

Целью ордена натхов было бессмертие. Физическое бессмертие, здесь и сейчас, в теле, которое ты получил при рождении. Это означало стать антисом, даже если ты не родился антисом; обрести «большое тело», даже если карма отказала тебе в нем. Карма отказала? Отринь карму! Откажись от признаков, свойственных твоей расе энергетов; вернее, научись управлять

этими признаками так, как не умеют твои сорасцы, замыкать и размыкать потоки в самых невообразимых сочетаниях – тратя и накапливая, соблюдая законы и нарушая законы по собственной прихоти. И тогда по воле Рудры Адинатха ты станешь антисом, оставив прах праху, вознесясь столбом чистого света в чёрные небеса.

Ещё никому из натхов это не удалось. Вьяса Горакша-натх собирался стать первым. И если для этого требовалось одарить серьгами тысячу недостойных – пусть будет так. Тысяча недостойных, слепо подчиняющихся гуру – это миллион тонн чепухи, в которой однажды мелькнет золотое зерно. Может быть, оно мелькнет прямо сейчас – Горакша-натх кое-что знал про ученика, который плакал под ножом, знал и надеялся, что после обряда ученик будет в состоянии ответить на кое-какие вопросы.

Парень крепкий, выдержит.

Не только внешним обликом гуру походил на кожаный ремень. Душа его тоже была ремнем, способным не рваться при нагрузках, поддержать штаны в долгом пути или выдрать по заднице строптивое дитя. Когда самому гуру резали уши для серёг, на его лице не дрогнула и жилка, а губы сложились в безмятежную улыбку.

– Тебе больно?

– Omkār ādināthāya...

– Хорошо. Теперь второе ухо.

Конечно, больно, согласился гуру, без особого интереса следя, как течет кровь. Очень больно. Отложив нож, он достал серьги – крупные роговые кольца. Рассёк одно кольцо, оттянул концы. Вдел серьгу в кровоточащий разрез, подождал и рассёк, а потом вдел другую. Когда-то, в древности, в разрезы сперва вставляли палочки из дерева *ним*, спустя неделю – глиняные копии серёг, и только потом – настоящие, из рога. Теперь же в этом не было необходимости: серьги заранее обрабатывались специальным регенерационным составом, стимулирующим верное заживление с фиксацией отверстия.

Не меняя позы, ученик наклонился вперед и коснулся лбом земли.

– Я принял тебя как сына.

– Вы приняли меня как сына.

– Я отдал тебе лучшее, что имею.

– Вы отдали лучшее, что имеете.

– Теперь скажи мне...

Гуру присел напротив ученика на корточки:

– Чей запрос ты получил три дня назад из Управления научной разведки Ларгитаса?

К чести ученика, офицера, служащего в представительстве антического центра «Велет» на Чайтре, он колебался недолго:

– Запрос поступил от генерал-лейтенанта Юргена ван Цвольфа.

– По обычным каналам?

– Обычным для запросов такого рода.

– Чем интересовался ван Цвольф?

– При нападении стаи флуктуаций на ларгитасский лайнер «Вероника» был обнаружен неопознанный антис, предположительно наш. Спектр нехарактерный, но зафиксированы семьдесят три процента совпадений.

– Идентификация по атласу?

– По атласу Шмеера-Полански антиса идентифицировать не удалось.

– Что ответили из центра?

– «Местонахождение каждого антиса расы Брамайн в указанное Вами время точно известно. Ни одного из них не было в указанном Вами секторе пространства.»

– Антис защищал лайнер? Атаковал лайнер?

– Неизвестно, гуру.

– Твоё мнение?

– Если бы антис защищал лайнер, вряд ли ларгитасцы выслали бы нам запрос. Ситуация штатная, в пояснениях не нуждается. Но нападение... Мне трудно представить антиса, тем более нашего антиса, который атаковал бы «Веронику» во главе стаи флуктуаций.

– Трудно?

– Невозможно.

– Семьдесят три процента совпадений, – задумчиво повторил Горакша-натх. Чёрные глаза его сверкнули и погасли. – Спектр нехарактерный. Ты будешь сообщать мне обо всём, связанном с делом этого удивительного антиса.

– Да, гуру, – кивнул ученик.

Серьги в его ушах слабо качнулись.

Канфата, подумал гуру. Человек с расщепленными ушами. Когда-то так звали йогинов из ордена натхов, желая выразить презрение. Теперь обидное слово вернулось – гуру так звал недостойных носителей серёг, слуг Госпожи Гордыни, которые обменяли ложный статус на безусловное подчинение.

– Переключи страдание в режим накопления.

Напоминание было излишним. Ученик от боли давно забыл об уникальных возможностях йогина, да и не владел ими в полной мере. Его организм с момента первого надреза функционировал в обычном режиме, перекачивая мучения в энергоресурс.

– Хорошо. Молодец.

Слово «хорошо» ничего не значило. Оно всего лишь успокаивало таких, как этот большой и сильный ребёнок. Слово «молодец» тоже ничего не значило. Будь ученик настоящим йогином, он оскорбился бы. Нет, будь ученик настоящим йогином, он пришёл бы за серьгами в положенный срок.

Горакша-натх достал из сумки дезинфицирующий спрей и комплект ватных тампонов. Теперь уже можно тампонировать молодому человеку уши, чтобы кровь не затекла внутрь. Теперь ученику уже не надо слышать вопросы гуру. Всё будет в порядке, подумал гуру. Мы, брамайны, девятикратно страдаем от всего на свете, в сравнении с иными расами Ойкумены – но, превращая страдание в энергию, исцеляемся мы тоже в девять раз быстрее.

– Твой *кундалини* проснулся, – сказал гуру, зная, что лжёт, и не испытывая угрызений совести. Если однажды цель будет достигнута, вся ложь мира обратится в молоко и мёд. – Огненный змей восстал, космическая энергия вьёт кольца в тебе.

– Во мне, – эхом повторил ученик.

Внизу текла река, горькая как желчь.

V

– Позвольте, угадаю, сэр, – сказал Бреслау.

Получив приглашение садиться, он опустил в кресло. В этом кресле все подчиненные чувствовали себя агнцами перед закланием, даже если не знали за собой никаких провинностей. Все подчинённые, но только не Бреслау.

Начальство угрюмо кивнуло. И поправило зажим для галстука: чёрное серебро с миниатюрным, на диво ярким изумрудом. Заколка и без того сидела идеально. Скупой жест генерал-лейтенанта ван Цвольфа сказал Тирану о многом. Генерал пребывал в раздражении. Генерала вынудили принять решение, которое ему не нравилось. Выбора генералу не оставили.

– Пришло независимое подтверждение, – начал Тиран, стараясь говорить без злорадства. – Отщепенца засекли снова. Параметры совпадают. На сбой аппаратуры не спишешь: техника не сбоят дважды одинаково, тем более, на разных кораблях. Я угадал?

– Угадали.

– Итак, аномалия подтверждена. И какая аномалия! Антис – или нечто очень похожее на антиса – атакует корабли вместо того, чтобы их защищать. Задача моего отдела?

– Бреслау, не морочьте мне голову. Вы что, первый год у нас работаете?

– Никак нет, сэр. Я старая опытная крыса. Поэтому я хочу услышать максимально точную формулировку поставленной задачи. Во избежание недоразумений.

– Желаете подстраховаться? Если справитесь – страховка не понадобится. Если не справитесь – не поможет. Ладно, я отдам письменный приказ.

– Спасибо, сэр. Новая информация уже передана в мой отдел?

– Да.

Тиран невинно прищурился:

– Включая данные с «Ведьмаков», спасших «Веронику»?

Некоторое время ван Цвольф, прищурившись, изучал наглеца – словно в прицел глядел. Стол со встроенными матрицами управления и контроля, разделявший генерал-лейтенанта и адъютант-генерала, сделался будто втрое шире, символизируя непреодолимую дистанцию, что пролегла между начальником Управления и начальником отдела.

Да ладно, отмахнулся, Бреслау. «Аномалия» – белая ворона среди отделов Управления. Все занимаются очень нужными, а главное – понятными делами. Предотвращение утечки информации и новейших технологий с Ларгитаса. Отслеживание перспективных научных разработок других рас. Вербовка осведомителей. Переманивание ученых и специалистов, представляющих интерес. Разработка новых спецсредств разведки... Но когда жареный петух клюет в задницу, на сцену выходит его, Бреслау, отдел – и разгребает дерьмо, перед которым пасуют остальные. У каждого есть дырка в заднице, а значит, без ассенизаторов не обойтись.

Словно подслушав его внутренний монолог, ван Цвольф откинулся на спинку кресла. Суровый начальственный лик чуточку разгладился. Тиран услышал явственный щелчок – шеф вернул взгляд на предохранитель, раздумав стрелять.

– Поздновато спохватились, Бреслау. Делать мне больше нечего, как утаивать от вас информацию. По запросу её бы вам предоставили. Данные с «Ведьмаков» обрабатывала другая группа.

– Какая, сэр?

– Первый филиал. У вас бы всё равно не хватило ресурсов: ни человеческих, ни машинных. Результаты пересланы вашим аналитикам. Что-то ещё?

Да, согласился Тиран. Это щелчок по носу, и щелчок чувствительный.

– Прошу вернуть работу моего отдела и привлеченных экспертов в штатный режим. Мы займемся Отщепенцем с полной отдачей, но людям необходим отдых. Переутомление сказывается на результатах. Если возникнет необходимость в сверхурочной работе, я сам отдам соответствующее распоряжение.

– По-вашему, необходимости нет?

Тиран промолчал. Он давно научился распознавать риторические вопросы начальства. Нет, на эту удочку его не поймать.

– Хорошо. Это всё?

– Последнее, сэр. Брамайны прозрачно намекнули, чтобы мы их больше не беспокоили. Думаю, стоит прислушаться к их пожеланиям и не сообщать о повторной фиксации Отщепенца.

Ван Цвольф дернул уголком губ:

– Рад, что хоть в чём-то наши мысли совпадают.

* * *

Пространство сотрясали рвотные позывы. Силовые линии завязывались морским узлом. Звёзды трепал приступ жестокой лихорадки: ореолы болезненно дрожали, расплывались, спектры менялись ежесекундно. Гравитация сошла с ума – если верить приборам, она давно превратила бы оба рейдера в смятые жестянки из-под пива, когда б не компенсаторы, работающие на пределе мощности.

Верить приборам было нельзя.

Позади за кормой спас-боты, извергнутые «Ведьмаками», стыковались с потрепанной «Вероникой». Прямо по курсу, петляя заячьей скидкой, путая следы, неслась прочь россыпь мерцающих клякс – стая фагов. На самом деле удирали фаги по прямой, не тратя времени на манёвры и финты. Вокруг стаи и за ней вставал на дыбы сам континуум, шёл опасными завихрениями, норовил вывернуться наизнанку, не позволяя «Ведьмакам» сократить дистанцию. Дальномёры ввали, сканеры сбоили, не было веры корабельным компьютерам. Наводчики волновых деструкторов промахивались раз за разом, не в силах взять точный прицел. Пока что им удалось распылить на кванты лишь двух отставших фагов.

Двух из двадцати семи.

Стая вильнула, уходя из-под обстрела – на сей раз по-настоящему – и по обзорникам издевательским фейерверком расплылось созвездие разноцветных вспышек. Полыхнуло во всех диапазонах оптического и волнового спектров. На несколько секунд аппаратура полностью ослепла. Когда же всё вернулось в норму, космос был девственно чист и безмятежен.

Стая исчезла.

* * *

Доклад второй группы многое объяснял. В свистопляске, которую устроили фаги, уходя от погони, аппаратура «Ведьмаков» антиса не распознала. Флэш-завеса, прикрывшая бегство стаи, однозначно указывала: «Веронику» атаковали флуктуации континуума. Фаги этого типа назывались «криптидами», по имени мифических гигантских спрутов. Реальные спруты выпускают «чернила», спасаясь от врага; космические криптиды прикрывали свой отход слепящей вспышкой излучений. Иные сравнивали флэш-завесу с вонью скунса, напрочь отбивающей преследователю и обоняние, и всякую охоту связываться с вонючкой.

Антисы не пользуются флэш-завесами.

К докладу прилагалась пообъектная расшифровка данных с «Ведьмаков». Двадцать пять уцелевших фагов выпустили «чернила» практически одновременно. Объект «Отщепенец» проделал то же самое, разве что его вспышка оказалась мощнее. Под прикрытием завесы стая ускользнула через «мигающую червоточину», позже обнаруженную рейдерами.

Имей Бреслау на руках эти данные, он пришёл бы к тому же выводу, что и ван Цвольф: на «Веронике» случился сбой аппаратуры. Никакого антиса не было и в помине.

Запись с волновых сканеров корвета «Разящий», принадлежащего ларгитасским ВКС, выглядела менее драматично. По большому счёту, там и смотреть было не на что. Тем не менее, Тиран честно просмотрел материал от начала до конца, прежде чем перейти к расшифровкам данных. Спасибо воякам, всё предоставили в готовом виде, избавив аналитиков Управления от лишней работы.

Эскадра ВКС Ларгитаса выполняла манёвр в рамках плановых учений на расстоянии в двадцать три парсека от места инцидента с «Вероникой». Стаю фагов засекли на самом краю зоны волновой видимости. Наблюдение длилось четыре минуты тринадцать секунд, после чего стая вышла из зоны действия сканеров. На совмещённой и очищенной опто-волновой записи

можно было различить уходящую прочь россыпь мерцающих искр. За четыре минуты стая трижды меняла построение: хвостатый сперматозоид – почти правильный шар – разлапистая амёба с пятью ложноножками. Двадцать четыре объекта, определённые как флуктуации континуума первого класса. И один – брамайнский антис. Совпадение спектральных характеристик – семьдесят три процента. В атласе Шмеера-Полански не значится.

На таком расстоянии сбой аппаратуры под воздействием флуктуаций исключался. Данные «Разящего» подтверждались сканерами других кораблей эскадры.

Антис, подумал Бреслау. Владелец двух тел: малого – корпускулярного, и большого – волнового. Тот, кто пешком ходит по космосу. Соль Ойкумены, защита и опора. Выигрышный билет человечества. Энциклопедия уверяет, что «большинство антисов вырастает с сознанием своей ответственности перед человечеством. Периодические вспышки их антисоциальной активности носят локальный характер и имеют минимальные последствия». Неужели мы столкнулись с меньшинством? С исключением, какое за тыщу лет с хвостиком ни разу себя не проявило? Проклятье, мне даже подумать страшно, что случится, если у людей появится причина бояться антисов!

До начала совещания оставалось семь минут.

Контрапункт

Двадцать лет спустя, или Дерьмо без перспектив

«Во время терминальной эры человечество полностью ответит на вопрос «Зачем?» – и сочтёт за благо включить в действие второй закон термодинамики в атоме, то есть из корпускулярного превратится в лучевое. Что такое лучевая эра космоса, мы не знаем. Мы можем лишь строить догадки, базируясь на изучении единичных примеров случайных мутаций, далеко опередивших медлительный процесс эволюции.

Я говорю об антисах.»

Константин Челковцев, автор книги «Грезы о земле и небе», член-соревнователь Общества Любителей Мироздания

– Внимание всем кораблям! Приготовиться к групповому развороту. Азимут на Октуберан, с поправкой на орбитальное смещение. Координаты: 027-143-009. Строй – „Слоны Ману“ стандартного эскадренного диаметра. Объявляется двухсотсекундная готовность. Даю отсчет на рабочей частоте...

Выстроившись походными кольцами, военный флот брамайнов входил в систему Тулла. Эскадры направлялись к Октуберану, флагман первым начал разворот. Прямо по курсу полыхал могучий Тулл. Позади эскадр космос превращался в долину цветущих тюльпанов с венчиками из кипящей смолы, обозначавших места выхода из РПТ-манёвра. Панорама звёздной системы вращалась на обзорниках и в контрольных сферах, пока не застыла в нужном положении. В сопровождении боевых кораблей шёл десяток громоздких транспортов. В их трюмах ждали своего часа планетарные десантники – четвёртый гвардейский полк «Нараяна».

– Говорит орбитальный диспетчерский центр Октуберана! Повторяю: говорит орбитальный диспетчерский центр Октуберана! Немедленно измените курс следования! Если по первому требованию вы не покинете систему Тулла...

Великая Помпилия скалила зубы. Боевые галеры помпилианцев уже выстраивались двойной сферой по всему оборонительному периметру вокруг родной планеты. Волчья стая защищала логово с беспомощными детёнышами, готовясь встретить врага клыками и когтями. Брамайнскую флотилию ожидал радушный приём.

– Всем кораблям соединения! – брамайны, как и предполагалось, проигнорировали требования хозяев системы. – Перестроиться в боевой порядок «Арджуна-3». Транспортам отойти под прикрытие. Направление движения сохранять прежнее...

«Слоны Ману» разбрелись в стороны и сошлись заново. Временный хаос обрёл новую структуру. В мишень Октуберана нацелился мощный, остро заточенный наконечник стрелы. В наконечнике сосредоточилась главная ударная мощь соединения: крейсера с плазменно-лучевым вооружением и торпедные катера, способные поражать противника многоцелевыми квантоторпедами на субсвете. Впереди всех шло звено «колесниц» – волновых истребителей, оснащённых энергопушками-сифонофорами. Оперением для стрелы служили корабли энергетической поддержки. Прикрывая с флангов транспорты, они обеспечивали покрытие флота коллективным защитным полем.

– Флагман – «Царю Справедливости»! Поставить в фиксируемом секторе «дымовую завесу»...

– Баланс радиационных эмиссий?

– Есть!

– Навигационный дефлектор?

– Создана сеть аннулирующих ядер!

- Обеспечить дубль-контур питания орудий...
- Стоп! Достаточно!
- Торпедный отсек! Даю координаты цели...
- Флагман – «Царю...»
- Хватит, я сказал!

По космосу шёл бог. Корабли летели на него, сквозь него, за ним. От взмахов рук гиганта планеты сминались комками глины, тяжкая поступь превращала астероиды в радужную пыль. Битва, не успев развернуться в полную силу, уже раздражала бога:

- Выключите симулятор!

И космос исчез. Сгинул без следа, явив взорам новую вселенную – аудиторию Имперской военно-космической школы, размещённой на Китте по межрасовому соглашению. Населяли этот мир, заняв скамьи амфитеатра сверху донизу, три-четыре десятка молодых людей в кителях светло-оливкового цвета – форме помпилианских ВКС, дюжина офицеров-преподавателей, да ещё военный трибун Гай Октавиан Тумидус, приглашённый руководством школы для присутствия на торжественном выпускном собрании, желательно с напутственным словом.

Последний исподлобья озирает ряды курсантов. До выпускного собрания оставалось два дня, и Тумидус имел возможность ознакомиться с процессом обучения.

– Только что мы с вами, – тон военного трибуна был нейтральным, что для всех, кто знал Тумидуса не понаслышке, означало подарок судьбы, – видели курсовую работу по стратегии и тактике обороны. Не постыжусь этого слова, обороны нашего прекрасного отечества, каким является Октуберан. Работа, как мне сказали, была успешно защищена в конце прошлого семестра. С некоторым опозданием я бы хотел поздравить автора сей в высшей степени поучительной баталии. Чья работа, господа?

- Старший курсант Нумерий Эмилий Сальвий, господин военный трибун!
- Курсант Сальвий, прошу вас выйти!

Между рядами вниз спустился низкорослый, очень широкий в плечах юноша. Он чеканил шаг так, словно маршировал на плацу, а не шёл по лестнице. Взглядом курсант Сальвий, что называется, ел военного трибуна. Ел без хлеба и соли, с фуражкой, ботинками и трибунским железом.

– Я рад, – заметил Тумидус, когда курсант встал у кафедры по стойке «смирно». – Рад, что вы прекрасно знаете историю, старший курсант Сальвий. Вы ведь знаете историю, правда?

- Так точно, господин военный трибун!
- Вольно, старший курсант Сальвий!
- Есть вольно, господин военный трибун!

В стойке курсанта мало что изменилось: к вольностям он относился с пренебрежением, достойным истинного офицера ВКС Великой Помпилии.

- Вы самостоятельно разработали план баталии, старший курсант Сальвий?
- Так точно, господин военный трибун!
- Верный подход, хвалю. Включите проектор!

Вернулся космос. Система Тулла, два флота друг напротив друга. Стоп-кадр: брамайны готовились к атаке, помпилианцы выстраивали оборону.

- Старший курсант Сальвий! Вы позволите мне внести кое-какие коррективы?
- Разумеется, господин военный трибун! Как пожелаете!

Тумидус поднял руку с дистанционным пультом управления. По залу прокатился изумленный ропот: изменения, вносимые военным трибуном, курсанты восприняли как государственную измену. На их глазах брамайны превратились в помпилианцев, а помпилианцы – в вехденов. Звёздная система Тулла обернулась системой Йездана-Дасты, о чём ясно свидетельствовало не только наличие двойной звезды и расположение планет, но и надпись, вспыхнувшая под потолком аудитории. Флотилия вторжения теперь носила имя Первого Квинтилиан-

ского галерного флота, четвёртый гвардейский полк «Нараяна» в трюмах транспортов стал VI легионом планетарных штурмовиков «Скутум».

– Вы прекрасно знаете историю, старший курсант Сальвий, – повторил Тумидус, поигрывая жезлом. – Я, с вашего позволения, тоже кое-что смыслю в истории. Особенно в истории, где я к моему глубокому сожалению принимал косвенное участие. Господа, мы с вами имеем сомнительное удовольствие видеть миротворческий контингент...

Жезл обвёл голограмму:

– ... под командованием консуляр-трибуна Гая Клавдия Марцелла. Он был выслан нашим прекрасным отечеством в систему Йездана-Дасты по просьбе самопровозглашенной Михрянской республики. Не буду вдаваться в подробности, но эта история закончилась для нас не лучшим образом. В работе старшего курсанта Сальвия она *переписана наоборот*, что намекает на более счастливый исход, но увы, история не знает сослагательного наклонения. Вы со мной согласны, старший курсант Сальвий?

– Так точно, господин военный трибун!

Взгляд курсанта погас. Щёки побелели. Но голос, как и прежде, звучал молодежато:

– Разрешите обратиться, господин военный трибун!

– Обращайтесь.

– Когда вы поняли, что имеете дело с переработкой разгрома Первого Квинтилианского флота? Я полагаю, это случилось во время перестройки флотилии псевдо-брамайнов в боевой порядок. Я недостаточно корректно модифицировал «Орлиную крепость» в «Арджуну-3»?

– Раньше, старший курсант. Я понял это раньше.

– Во время требования покинуть систему?

– Ещё раньше.

– Тогда я не понимаю...

– Вы тщательно маскировали исходный материал. Но вы забыли изменить координаты. Помните? «Азимут на Октуберан, с поправкой на орбитальное смещение...» Координаты Октуберана: 043-264-001. Вы же оставили координаты Михра: 027-143-009. Дальше всё было для меня ясней ясного.

Теперь в зале побелел ещё один человек: офицер в чине обер-манипулярия. Похоже, это он принимал у старшего курсанта Сальвия злополучную курсовую.

– И вот ещё...

Тумидус указал на группировку кораблей, вторгшихся в систему:

– Двадцать лет назад, – военный трибун замолчал, словно впервые осознав, сколько лет прошло со дня разгрома «миротворческого контингента». – Да, двадцать лет назад Первый Квинтилианский галерный флот был атакован антисом. Не буду вдаваться в подробности, но Нейрам Саманган, лидер-антис расы Вехден, ударил вот отсюда...

Конец жезла засветился. Красный луч указал на планету, которую старший курсант Сальвий обозначил как Октуберан, а военный трибун Тумидус – как Михр.

– Это северо-западный район Кашмихана. В то время я был на Михре военным советником, но увы, – в казённом невыразительном голосе Тумидуса (*чудо из чудес!*) мелькнула горькая ирония, – во время сражения я пропал без вести по не зависящим от меня причинам. Антис стартовал на полусвете, быстро нарастил скорость и разнёс нашу флотилию в клочья, несмотря на героические усилия консуляр-трибуна Марцелла. Разгром довершила угроза кея Ростема I поднять с Хордада Второй Гвардейский флот вехденских ВКС. Консуляр-трибун Марцелл выполнил ультиматум и покинул систему, предварительно эвакуировав экипажи кораблей, не имевших возможности совершить РПТ-манёвр. Вы бы поступили иначе, старший курсант Сальвий?

– Не могу знать, господин военный трибун!

Молодость есть молодость. Кипяток чувств всегда найдёт способ выплеснуться наружу – по лицу курсанта Сальвия читалось, что он бы на месте командующего флотилией бился до последнего. Главное, заполучить пару семилучевых звёзд на погоны, желательно побыстрее, и тогда уже курсант Сальвий – консуляр-трибун Сальвий! – умрёт, а не посрамит чести империи. И сам умрёт, и всех в гроб загонит, пылью по космосу развеет, но не отступит ни на шаг.

– Смотрите, курсант...

Тумидус восстановил исходный материал курсовой работы. Брамайны атаковали, помпилианцы защищали родной Октуберан.

– Имей наша раса своих антисов, мы бы легко разгромили агрессора по примеру разгрома, случившегося в системе Йездана-Дасты. Атака гипотетического помпилианского антиса, подкрепленная мощью нашего флота, и брамайны отступают. Я прав?

– У нас нет антисов, господин военный трибун!

– Представьте, что они есть. В таком случае я был бы прав?

– У нас нет антисов, господин военный трибун!

– Похвально, – кивнул Тумидус. – Меня много раз упрекали в недостатке воображения. Вы превзошли меня, старший курсант Сальвий. Я пророчу вам отличную военную карьеру.

– Рад стараться, господин военный трибун!

– Итак, у Великой Помпилии нет своих антисов, – красный луч с сожалением покинул Октуберан. – Но у расы Брамайн они есть. К примеру, лидер-антис Кешаб Чайтанья...

– Злюка Кешаб! – порхнуло по амфитеатру.

– Да, Злюка Кешаб. Предположим, что Злюка Кешаб пришёл в систему Октуберана вместе с флотом своих сорасцев, – красный луч заплясал впереди эскадр брамайнов, изображая могучего антиса. – Предположим, он первым атакует нашу оборону, создавая бреши для волновых истребителей. Здесь, – луч вернулся на орбиту Октуберана, – здесь и здесь. Как вы намерены противостоять такому варианту нападения?

– Никак, господин военный трибун!

– Вы сдадитесь без боя?

– Никак нет, господин военный трибун! Я не готов рассматривать вариант, который не имеет права на существование.

– Почему?

– Антисы не участвуют в войнах, господин военный трибун! В редких случаях они противостоят внешней агрессии, защищая родные звёздные системы своих рас от вторжения. Но даже обладай я самым богатым воображением в Ойкумене, я не в силах представить антиса в качестве агрессора. Готов понести наказание, господин военный трибун!

– А вы, господа? – обратился Тумидус к курсу. – Вы тоже не в силах?

– Так точно!

Кажется, в хоре курсантов прозвучали и голоса преподавателей.

– Потому что это невозможно?

– Так точно!

Тумидус сжал пульт управления в кулаке – так, словно хотел раздавить его. Космос исчез, в аудитории зажётся свет. Трибунский жезл вернулся за ремень кителя строго по уставу, слева от пряжки.

– Двадцать лет назад, – тяжёлый взгляд уперся в ряды будущих офицеров. Молодые люди поежились: они понимали, что военный трибун видит сейчас не их, а что-то своё, далёкое, но зябкий ветерок промчался по рядам, – я выступал в вашей школе с напутственным словом. Штурмовой легат, малый триумфатор, кавалер ордена Цепи. Я справедливо полагал, что не мастак говорить, и нанял человека, который должен был помочь мне с выступлением. С тех пор в моей жизни всё реже происходит возможное, и всё чаще – невозможное. Рекомендую запомнить мои слова, господа. Вы можете случайно вступить в дерьмо, и это послужит началом

головокружительной карьеры. А можете вступить в дерьмо, и это будет просто дерьмо, без особых перспектив. Вам всё понятно, старший курсант Сальвий?

– Так точно, господин военный трибун! – судя по лицу курсанта, он нашёл самый оригинальный способ замаскировать ответ «никак нет». – Разрешите вопрос?

– Спрашивайте, курсант.

– Когда вы убили моего деда, Тита Эмилия Сальвия...

Тумидус вздрогнул. Качнулся к курсанту, сжимая кулаки, как для драки, ища во внешности парня знакомые, крепко подзабытые со временем черты – и остановился, словно налетел на каменную стену:

– Тит? Проклятье, я должен был догадаться!

Аудитория превратилась в «Этну», космическую галерею с раздвоенным носом. Военный трибун Тумидус – в легата Тумидуса, надменного помпилианца, который даже будучи во временной отставке, ходил в рейды за рабами, забираясь на самые глухие окраины Ойкумены. Молодой Сальвий, без пяти минут выпускник Имперской военно-космической школы – в собственного деда, капитана второй корсарской галеры: острого на язык румяного крепыша с брюшком, нависающим над поясным ремнем Двадцать лет – в миг единый.

– Когда вы убили моего деда на дуэли, – старший курсант Сальвий не отступил ни на шаг, – он бился достойно? Я имею в виду, он заставил вас попотеть? Раз уж вы заговорили о событиях двадцатилетней давности, я счёл себя вправе...

– Да, – после долгой паузы ответил Тумидус. В глазах его дробился, блестел, таял лед. Жёсткие складки вокруг губ окаменели. – Твой дед бился достойно. Победа далась мне с большим трудом. Случайность, не более. Мне жаль, что так случилось.

Курсант встал навтыжку:

– Благодарю вас, господин военный трибун. Мне было важно это знать.

– Если у вас возникнут проблемы, – Тумидус стоял вполоборота к собравшимся, но каждый офицер, сидящий в аудитории, знал, что обращаются к нему лично. – Старший курсант Сальвий, если у вас возникнут проблемы в связи с вопросом, который вы только что задали мне... Свяжитесь со мной. Я решу эти проблемы, обещаю. Вряд ли моё вмешательство понадобится, но вы всё-таки имейте это в виду.

– Это лишнее, господин военный трибун. Свои проблемы я решаю сам. Тем не менее, спасибо.

– Похвально, – во второй раз произнёс Тумидус. – Тит гордился бы таким внуком. А за скверную переработку дед выдрал бы вас ремнем, старший курсант Сальвий. Вы бы неделю не могли сесть на задницу. Уж я-то знаю повадки Тита...

Гаджеты предназначены вовсе не для того, чтобы упрощать вам жизнь. Их назначение – жизнь максимально усложнять, превращая в ад, особенно если это гаджеты нового поколения. Военный трибун едва не подпрыгнул, когда левый нагрудный карман его кителя разразился пронзительной руладой. Наружу из кармана, мерцая и пузырясь, полез ярко-голубой кисель голограммы, на ходу превращаясь в рамку гиперсвязи. Тумидус выругался – рулада сожрала звук голоса, но в аудитории много кто умел читать по губам отцов-командиров – отстегнул клапан, точнее, вырвал пуговицу с мясом и выхватил проклятый коммуникатор, словно армейский парализатор из кобуры. Казалось, сейчас он грохнет аппарат об пол, грянет залп, и зал упадет в обморок, парализован ужасом.

Да, ужасом.

Персональные коммуникаторы со встроенным модулем гиперсвязи, позволяющим не просто слать через межзвёздные расстояния жалкие огрызки текста, а вызывать абонента и разговаривать с ним в режиме реального времени, лицом к лицу – о, это была редкость, исключительная редкость, которая ясно говорила о статусе её владельца! Позволить себе такое сокровище мог разве что банкир Лука Шармаль, о чьём состоянии ходили легенды, или Гвидо

Салюччи, действительный и полномочный председатель Совета Галактической Лиги. Жалованье военного трибуна, при всем уважении к казначейству Великой Помпилии и его щедротам, не позволяло обзаводиться предметами роскоши. Но Гай Октавиан Тумидус с относительно недавних пор числился членом Совета антисов, где представлял сообщество коллантов Ойкумены – коллективных антисов, энергетических микро-социумов, обладающих «большим телом» не по слепой случайности рождения, а путем добровольного объединения представителей разных рас. Такой человек должен быть на связи днём и ночью, в постели и в сортире, живой или мёртвый. Получив от службы имперской безопасности распоряжение обзавестись уникалом с гиперсвязью, Тумидус ответил кратко, по-военному: «Нет денег». На следующий день курьер доставил ему посылку от госпожи Зеро – старухи, не раз утверждавшей прилюдно: «Имперская безопасность – это я!» У курьера дрожали руки, он боялся уронить чудо техники, на которое не заработал бы и за тысячу лет беготни по клиентам.

Руки дрожали и у курсантов: разбей Тумидус коммуникатор в их присутствии, и хвалёная выдержка будущих штурмовиков не справилась бы с массовой истерикой.

– Да! Кто это?

В рамке сформировалось лицо. Чёрная обветренная физиономия размером с кулачок, миллион складок и морщин, миллиард признаков дурного характера. Курчавая шапка седины была натянута на самые брови, оставляя видимой узенькую полоску лба. Два белых глаза, похожих на яйца, сваренные вкрутую, уставились на Тумидуса. Впрочем, лишь клинические идиоты обольщались слепотой Лусэро Шанвури, лидер-антиса расы Вудун, больше известного как Папа Лусэро.

– Это я, – сказал Папа, хотя в его ответе уже не было надобности. Голый по пояс, обеими руками он с наслаждением чесал себе грудь, украшенную сложной композицией шрамов. – А кого ты ждал, большой бвана? Шлюху по вызову?

На голос Папы наслаивался женский хор. Пели что-то зажигательное, кажется, духовное. Пользуясь занятостью супруга, жёны карлика-антиса неплохо проводили время.

– Я их побью, – объяснил Папа, имея в виду жён. – Потом. Они ещё не знают. Знали бы, не пели. Слушай, я тебе вот что хочу сказать...

– Позже, – перебил его Тумидус, косясь на аудиторию.

– Нет, сейчас.

– Две минуты. Я включу переадресацию. Ты же разоришься на гипер, болван! У меня-то входящий, это ты трезвонишь...

К женскому хору добавился детский. Смена солистов на запевах, интонированные выкрики с переключками. Глиссандо, вибрато, полиритмия. Синкопы. Сами того не замечая, курсанты начали притоптывать в такт, барабанить пальцами по бедрам и коленям. Преподаватели, будто змеи под дудку заклинателя, раскачивались из стороны в стороны. На лицах преподавателей застыло осуждение варварских видов искусств.

– Кабинет начальника школы, – любезно подсказал уже знакомый Тумидусу обер-манипулярий. Спустившись вниз, офицер со всей возможной деликатностью тронул военного трибуна за рукав. – Там есть гипер. Можете связаться с господином Шанвури за казённый счет. Хотя, осмелюсь доложить, гипер ни к чему. Пустая трата средств. Если не ошибаюсь, господин Шанвури в данный момент на Китте?

– Ты на Китте? – рявкнул Тумидус карлику.

– Ну да, – удивился Папа. – А что?

– Дома? Или в тюрьме?

– Пока дома. Ты глухой, да? – Папа всё чесался и чесался, и кряхтел от удовольствия. – Я их ещё не бил, жён. Вот побью, и под арест. Цыц, засранцы! Это я не тебе. А ты что, тоже на Китте? Я думал, ты на Октуберане...

– Думал он... Чем ты думал?

– Чем надо. Так ты где?

– На далёкой звезде! – вульгарные манеры Папы инфицировали мозг, вызывая отвратительные мутации. Военный трибун с ужасающей скоростью превращался в отъявленного хама. Вспомнив, что находится в присутствии младших по званию, Тумидус мысленно отправил себя на гауптвахту. – В Хунгакампе, вчера прилетел. По приглашению руководства имперской военно-космической школы.

– Сопляков строишь? – хихикнул Папа. Тумидус ни минуты не сомневался, что карлик нарочно повысил голос, говоря о сопляках. – Хорошее дело. Врежь им от меня за компанию. Я перезвоню, жди. С тобой на гиперере разоришься...

– Это срочно?

– Это срочно.

Рамка в последний раз вспыхнула голубым – и погасла.

Глава вторая

Как размножаются флуктуации, или Время гипотез

I

– Обратите внимание на эти спектральные линии, коллеги! Ваш покорный слуга успел провести сравнительный анализ. Ни у одного антиса Ойкумены не обнаружено подобных линий и их сочетаний!

Световой маркер скользил по объёмной спектрограмме, развернутой в смотровой сфере, отмечая пучки линий, наиболее примечательные с точки зрения маркиза ван дер Вена. Пучки походили на пряди буйной шевелюры, стоявшей дыбом вокруг лысины докладчика.

– У вас есть версия, маркиз?

– Есть ли у меня версия? Да у меня есть целый рудовоз версий! А значит, ни одной сколько-нибудь достоверной!

– И всё же, маркиз, – при всей деликатности, наработанной годами общения со светилами науки, у Тирана была мёртвая хватка. – Отсыпьте нам горстку руды из вашего рудовоза. Буду вам крайне признателен.

– Но они же... – растерялся ван дер Вен. Казалось, ему предлагают снять штаны и сплестись качучу прямо на столе. – Они не подтверждены фактами!

– Ничего страшного, мы потерпим.

– Это даже не гипотезы, это догадки. Сырьё, небогащённое сырьё! Присутствующие коллеги поднимут меня на смех. И что самое прискорбное, они будут правы!

Тиран вздохнул. Учёный муж скорее кастрирует себя ржавым секатором, чем рискнёт нанести ущерб своей драгоценной репутации!

– Никто не будет смеяться над вами, маркиз. В конце концов, мы для того и собрались, чтобы перебрать все гипотезы, возможные и невозможные.

Маркиз надменно вздернул бровь:

– Мозговой штурм? Фи! Этот метод устарел!

– Уверяю вас, в этих стенах он прекрасно себя зарекомендовал. Ну же, смелее! У ваших коллег наверняка тоже есть свои соображения, но они просто не решаются их озвучить. Я верю в вашу отвагу. Будьте первопроходцем!

– Ну хорошо, – лезть сработала в лучшем виде. – Но я предупредил! Я честно предупредил заранее! Обоснования минимальны, если вообще уместно говорить о каких-либо обоснованиях. Итак, версия первая: мы имеем дело с флуктуацией континуума высокого класса – и, не побоюсь этих слов, неизвестного ранее типа.

Маркиз взял паузу, прислушиваясь. В зале не смеялись. Ободренный реакцией коллег, маркиз юношеским жестом откинул со лба непослушную прядь.

– Версия вторая, более... м-м-м... скользкая: антис с психическими отклонениями. Допустим, он возомнил себя флуктуацией. И ведёт себя соответственно.

– Па-а-азвольте!

Виконта де Йонга подбросила с места пружина-невидимка. С виконтом – тогда ещё бароном космологии – Тиран встречался не впервые. За минувшие годы взбалмошность нрава и феноменальная подвижность де Йонга лишь усилились стократ.

– Психопат или нет, кем бы ваш антис себя ни возомнил, – руки виконта исполняли заковыристую, в высшей степени оскорбительную пантомиму, – его волновой слепок должен присутствовать в атласе! А поскольку там его нет...

– Минуточку, коллега! – ван дер Вен завёлся с пол-оборота. Вся его стеснительность испарилась. – Вы забываете о существенном моменте! В большом теле психика антиса и его физическое тело, перешедшее в волновое состояние – суть одно целое. Если психика претерпела серьёзные изменения, это не могло не сказаться на всём большом теле, в том числе и на его спектральных характеристиках!

«И это называется скользкая версия? С минимальными обоснованиями?» – восхитился Тиран. На его взгляд, идея антиса-психопата, чья поехавшая крыша разрушила весь дом до неузнаваемости, была превосходной. Опыт Тирана подсказывал, что в большинстве аномальных происшествий виноваты психопаты. Они же составляли большинство экспертных групп.

– По-вашему, он вообразил себя флуктуацией настолько, что фаги приняли его за своего? – не сдавался де Йонг. – Полное перевоплощение?

– В каком-то смысле. Волновая психофизиология антисов слабо изучена. Но тесная взаимосвязь психики и физиологии в большом теле – неоспоримый факт!

– Эта связь настолько тесна, что ваш антис-шизофреник атакует корабли в компании флуктуаций? Поглощает энергию реактора и людей?! Гадит флэш-завесой, как заправский криптид?!!

– Мой антис? Мой шизофреник?!

– Ну не мой же?

Корабли, сделал Бреслау мысленную пометку. Множественное число. Нужно прошерстить сводки происшествий на предмет аналогичных случаев. Не засветился ли Отщепенец ещё где-нибудь? Вдобавок Тирана насторожило словосочетание «энергия людей». Обдумать позже. Тут что-то кроется...

– ...теоретически ничто не мешает антису...

– Теоретически и флуктуации ничто не мешает вообразить себя антисом! Мы же не принимаем её с распростертыми объятиями...

– Не вносим в атлас?!

– Господа! Снизьте градус! – Тиран вмешался вовремя: дело шло к рукопашной. – Сейчас мы только высказываем гипотезы. Обсуждать и критиковать будем потом.

Красный как рак де Йонг сверкнул очами, словно готовясь к «горячему старту» в волновое состояние, и опомнился.

– Извините, увлёкся.

– Выкормыш, – прозвучал в наступившей тишине спокойный женский голос.

Графиня Ленартс не сочла нужным встать. Даже сидя в кресле, она возвышалась над коллегами-мужчинами – и в прямом, и в переносном смысле. Сухошавая дама в строгом костюме, графиня мигом оказалась в центре внимания:

– Простите?

– Не могли бы вы уточнить?

– Уточняю, – с невозмутимостью университетской информателлы согласилась графиня. – Выкормыш. Ребёнок-антис впервые вышел в волну и потерялся в космосе. Потому его волновой слепок и отсутствует в атласе.

– Но почему выкормыш?

– Потому что его выкормили флуктуации континуума. Выкормили и воспитали. Отсюда и повадки.

– Дубль истории Нейрама Самангана?

– В определённой степени.

История Нейрама Самангана, нынешнего лидер-антиса вехденов и питомца флуктуации-пенетратора, особо не афишировалась. Но Тирану она была хорошо известна, и не ему одному.

– Это уникальный случай!

- Что случилось один раз, может повториться.
- Нейрама воспитала Птица Шам-Марг! Флуктуация высшего класса, высокоорганизованное создание! Возможно, даже с зачатками интеллекта!
- С зачатками?! Многие о таких «зачатках» могут лишь мечтать!
- Минуточку! Кого вы сейчас имели в виду, коллега?!
- Да, да, кого?!
- Имя! Фамилия! Титул!!!
- Господа! Не переходите на личности!

Тиран в душе костерил собравшихся, запальчивых и обидчивых, как все учёные. Увы, «других экспертов у нас для вас нет», пользуясь формулировкой шефа. Юрген ван Цвольф, случалось, добавлял: «И не будет».

- Спасибо, графиня, мы вас услышали.
- ...пенетратор шестого класса! Шестого! – де Йонг никак не мог уговориться. – А у нас безмозглые криптиды-первоклашки...

Под суровым взглядом Тирана речь виконта превратилась в невнятное бормотание. Вечная дискуссия о классификации Шам-Марг – пятый или шестой класс? шестой или пятый?! – угадала, не разгоревшись.

- А что, если м-мы... – решил нарушить молчание юный барон Тис, прежде не участвовавший в дискуссии. Заика, он большей частью держал язык за зубами. – Если м-мы имеем дело с гибридно-волновым суц-щ-щ... Существом?

Сказал – и покраснел как мальчишка.

- Гибрид кого?
 - С кем?
 - Чего с чем!
 - Чего с кем!
 - Антиса с флук-к-к... – прошептал барон. – С флуктуацией.
- Щёки его горели двумя кострами.
- Как вы себе это представляете, коллега?
 - Я, например, представляю! – неожиданно вступился за барона маркиз ван дер Вен. – Вполне!

– Но как? Как?!

- Так же, как у белковых существ, коллега. Обмен генетическими информационными матрицами, только на волновом уровне. Своеобразное лучевое оплодотворение, зачатие и формирование нового энергетического организма с комбинированным набором свойств...

Идея вызвала у экспертов нездоровый энтузиазм. Полчаса все с увлечением обсуждали варианты совокупления волновых сущностей. Бреслау не мешал: ученые нуждались в разрядке. Светила науки составляли каталог извращений лучевого секса, упирая на квантовую запутанность и объективную редукцию, а Тиран размышлял: «А как в действительности размножаются флуктуации континуума?» Единого мнения по этому вопросу не существовало. Версий имелось множество: от отрыва и обособления фрагментов континуума в результате РПТ-манёвров до размножения волновым делением или почкованием. А значит, ни одной достоверной, как справедливо заметил маркиз ван дер Вен.

Обсуждение закончилось взрывом хохота. Рыдал, сдавленно хрюкая, виконт де Йонг. Заразительно хохотал маркиз ван дер Вен. Смущенно улыбался барон Тис, спровоцировавший общее веселье. Даже графиня Ленартс, сама невозмутимость, приснула в кулак, как девчонка, разом помолодев лет на двадцать.

Смех смехом, вздохнул Бреслау, а ведь у нас есть информация об одном чрезвычайно странном случае. Правда, там фигурировал не антис, а коллант, плюс уникальная флуктуация-рой. Но ведь похоже! Если, конечно, верить с трудом добытым отрывочным сведениям...

– Оставим сальности, коллеги, – подвела итог графиня. – Есть ещё версии?
Версии посыпались градом.

II

Погрузив стилус в рабочую голосферу, Бреслау поставил последнюю отметку. В сфере удобнее работать руками – она для того и предназначена. Можно развернуть сферу пошире и нырнуть внутрь, что называется, с головой, используя для управления не только руки, но и мимику лица. Всё это Бреслау, разумеется, умел, но не любил. Для простых действий он использовал длинный стилус-спицу, которым владел с виртуозностью дирижёра – или, если угодно, фехтовальщика. Для более сложных манипуляций имелись дистанционные виртуалки, благодаря которым от пальцев Тирана к сфере протягивались десять управляющих лучей. В такие моменты начальник отдела становился похож на суперзлодея Лучерука из бессмысленного и беспощадного сериала про Генерала Ойкумену. Управляющие лучи легко переводились в невидимую инфракрасную или ультрафиолетовую область, но с визуализацией работалось удобнее.

В глубоком детстве голосфера, когда Бреслау сунул в неё руку, шарахнула ребёнка током. Очнулся Бреслау в больнице, где и провёл трое суток, ежедневно навещаемый родителями, бабушками, дедушками, дядями, тётями и двоюродными сёстрами в ассортименте. Редчайшая поломка: пробой эмиттера. Самый дотошный гематр определил бы вероятность повторения подобного, как стремящуюся к нулю. Мальчик тоже понимал: да, случайность. Больше не повторится. Ожог быстро зажил, сошёл без следа, но голосферы Бреслау невзлюбил – в небольшой степени из-за визитов семьи в палату – и совать руки в пасти этих хищников отказывался. Если всё же доводилось – ощущал сильный дискомфорт.

Что до маловероятных событий, то они с тех пор только и ждали, чтобы свалиться Бреслау на голову. Это и привело его в Отдел нестандартных ситуаций, который он со временем возглавил. Временами Тиран ловил себя на мысли, что уж лучше бы его каждый день било током.

Откинувшись на спинку кресла, он коснулся сенсора, запускавшего встроенные массажёры. Окинул взглядом кабинет и, чуть поколебавшись, переконфигурировал внутреннее пространство. На левой стене возникли три уступа, правая приобрела шершавую фактуру и придвинулась на полметра. Серо-голубой цвет сменился светло-салатным. Да, так лучше, решил Бреслау и перечитал список:

– Изучить сводки происшествий на космических трассах. Цель: схожие случаи. Срок: последние десять лет. Приоритет: нападения стайных фагов.

– Изучить материалы Антического центра Лиги. Цель: исчезновения или смерти антисов. Срок: последние десять лет. Приоритет: «горячие старты» и инициации.

– Изучить материалы Общества космобестиологов Ойкумены. Цель: нетипичные флуктуации континуума. Срок: последние десять лет. Приоритет: случаи нападения на корабли.

– Пригласить телепата-диагноста. Цель: зондирование психики капитана Шпрее. Приоритет: поиск нетипичных патологий.

В результате атаки фагов на «Веронику» пострадали семнадцать человек. Стоило отдать должное мужеству и выучке экипажа, а также оперативности «Ведьмаков» – в противном случае жертв было бы куда больше. Двое погибших от психического истощения. У четырнадцати – кси-шок различной степени тяжести. Один – в глубокой коме.

Последним и был капитан Шпрее.

Хронометраж событий на борту показал: капитан подвергся флукуативному воздействию за одиннадцать секунд до того, как атака фагов накрыла остальных. Создавалось впечатление – быть может, обманчивое – что капитан, намеренно или случайно, первым принял на себя удар, как принимает на себя огонь боец-смертник, давая товарищам шанс отойти. Так ли это было на самом деле? И если да, каким образом Рихард Шпрее ухитрился загодя привлечь внимание фагов – конкретного фага?! – к своей персоне?

Бригада врачей уже работала со Шпрее. Тиран был неприятно удивлён, узнав, что лечение ведётся обычными методами, а к телепатам до сих пор не обратились.

– Проанализировать имеющиеся образцы индивидуальных волновых слепков коллантариев разных рас в большом теле. Цель: нетипичные для брамайнского антиса пучки спектральных линий Отщепенца. Приоритет: поиск возможных совпадений.

– Проанализировать имеющиеся волновые слепки флукуаций различных классов. Цель: аналогичные совпадения...

Энергия людей, вспомнил Тиран. Восстановить цепочку ассоциаций он смог лишь частично. Энергия людей – люди в большом теле – коллант – волновые слепки – спектральные линии. Примерно так. В итоге к списку добавился сдвоенный пункт: мысль о волновых слепках флукуаций пришла вдогонку.

Напротив всех пунктов стояли пометки, означавшие: задание уже поручено кому-то из сотрудников «Аномалии». Оставалось последнее:

– Связаться с Советом антисов.

Этот пункт Тиран оставил для себя. Тянуть с запросом не стоило. Секретность? Утечка информации? Брамайнам уже известно об инциденте с «Вероникой». А члены Совета вряд ли начнут болтать о потенциальном антисе-психопате – это не в их интересах. Хорошо, если вообще ответят.

Тиран поборол искушение напрямую связаться с Нейрамом Саманганом, воспитанником Птицы Шам-Марг. Нейрам входил в Совет антисов. Нейрам имел уникальный опыт. Казалось бы, за чем дело стало? Но антисы – тоже люди, как бы дико это ни звучало для ларгитасских радикалов. Ничто человеческое им не чуждо. Нейрам воспримет ситуацию близко к сердцу. Усмотрит сходство с собственной судьбой – действительное или мнимое. Значит, он будет пристрастен, и это повлияет на его ответ.

Тиран нуждался не в кипятке страстей, а в холодном душе логики. Подключившись к узлу гиперсвязи, он набрал номер Рахили Коэн – лидер-антиса расы Гематр.

III

– Рад видеть вас, доктор Йохансон.

За Управлением был разбит парк. По дорожке, выложенной трёхцветной брекчией, к Бреслау приближался великан из старинных легенд. Два метра ростом, плечи борца-тяжеловеса, льняные кудри до плеч, курчавая борода – Удо Йохансон, лучший пси-диагност Ларгитаса. Он и раньше-то производил впечатление, особенно на женщин, а теперь и вовсе заматерел. Пятый раз, вспомнил Тиран. Управление в пятый раз прибегает к его услугам.

– Жаль, что не могу сказать того же, – гигант нахмурил брови. – Поймите меня правильно: лично против вас я ничего не имею. Но хотелось бы видиться при менее удручающих обстоятельствах.

Бреслау развёл руками:

– Увы, специфика работы. Полагаю, между нашими встречами вас тоже не зовут к здоровым и счастливым людям?

– Всё относительно, – гигант пожал плечами. Казалось, сейсмический толчок качнул гору. – Кстати, насчёт счастья! Умеет ваша контора удивить. Впервые с таким сталкиваюсь...

– С чем именно?

Доктор Йохансон тяжело вздохнул:

– Я переслал вам отчет.

– Я...

– Знаю. Отвратительная привычка: вам всё надо услышать при личной встрече, из первых уст. Впечатления, нюансы...

– Прогуляемся?

– А у меня есть выбор? Всё лучше, чем в кабинете.

Они двинулись мимо стриженных кустов лавровишни, за которыми в тщательно организованном беспорядке росли знаменитые сеченские ели, глянцево-зелёная инверса, чьи пушистые лапы свисали до земли, нежно-голубые сякконские лиственницы и древовидный можжевельник. Сквозь царство хвой местами прорывались вспышки багрянца и охры – ларгитасские клёны и тилонские березы.

– Красиво, – басовой тубой прогудел Йохансон.

И умолк, собираясь с мыслями.

– Я не зря упомянул о счастье, – заговорил телепат позже. – Если не вдаваться в подробности, капитан Шпрее не желает выходить из комы.

– Почему?

– Потому что счастлив.

– Ничего себе счастье!

– Он пребывает в мире сбывшейся мечты. Зачем же ему покидать рай?

– Это результат воздействия флуктуации?

– И да, и нет. Да, поскольку воздействие имело место. Нет – по двум причинам. Во-первых, капитан Шпрее сам этого хотел и всячески содействовал – на уровне подсознательных стремлений, разумеется. Во-вторых, я никогда не сталкивался с подобным результатом флуктуативного воздействия на психику. А опыт в этой области у меня имеется, и немалый, благодаря вам.

Тиран отметил, что Йохансон старается не злоупотреблять терминологией. Похоже, великан держал в уме, что общается с неспециалистом, и изъяснялся как можно понятнее. Бреслау был ему за это признателен.

– Для себя я выделяю три основных типа флуктуативных воздействий на людей. Первый – грубое выкачивание психической энергии. Результат – стремительное нервное истощение, и как правило, летальный исход. Второй тип – «возгонка психики» с целью её копирования и исследования. Встречается крайне редко. С подобным я столкнулся лишь однажды, при нашей первой встрече...

Бреслау кивнул:

– «Цаган-Сара». Продолжайте, доктор. Сейчас, как я понимаю, иной случай? Третий, по вашей классификации?

Яхта «Цаган-Сара» подверглась нападению нетипичной флуктуации, получившей имя «Корабля-призрака». Сходная ситуация? Нет, в тот раз всё было по-другому. Тем не менее, призраки прошлого не отпускали. Консилиум врачей-телепатов. Молодая женщина-психир с дипломом Сякко: Регина ван Фрассен. Бреслау увидел её словно наяву: скептический прищур, медно-каштановый локон – ван Фрассен время от времени отбрасывала его со лба досадливым жестом. Характер – не сахар, колючая как ёрш. Специалист экстра-класса – такие наперечёт. Двадцать лет назад Регина ван Фрассен вместе с ларгитасской миссией осталась на варварской

планете Шадруван, под закрывшимся наглухо Саркофагом. Перед феноменом спасовала мощь науки. Чёрт побери все аномалии Вселенной! Выполни несуществующий чёрт пожелание адъютант-генерала, Тиран остался бы без работы, но это он бы как-нибудь пережил.

Мечты, мечты...

По одной из версий, Саркофаг закрыла сама госпожа ван Фрассен, чудом – не иначе! – сумев спасти людей от термоядерной бомбардировки с орбиты. Так ли это, и если да, как удался Регине подобный фокус, оставалось только гадать. Все эти годы саркофаг медленно рос, но открываться и не думал. Через пять лет после трагического события доктор ван Фрассен была как минимум жива. Тиран узнал это от случайного мальчишки, вышедшего с Региной на психиконттакт – и, честно говоря, не обрадовался.

Это я её туда отправил, напомнил Бреслау себе. Я пожизненно запер её в тюрьме. В напоминании не было нужды. Он помнил это всегда.

Над искусственным ручьём выгибался дугой крошечный мостик. Тиран любил это место: журчание успокаивало. На текущую под ногами воду, студёную даже на вид, он мог смотреть часами. Увы, часов покоя у него никогда не было, разве что минуты.

– Третий тип воздействия – «поиск лакомых кусочков». Так гурман выбирает блюдо. Для этого ему нужно ознакомиться со всем ассортиментом.

– То есть, флуктуация проникает в психику человека и выискивает там самые вкусные воспоминания? Переживания? Эмоции?

На слове «вкусные» Тиран скрипнул зубами.

– Вы отлично ухватили суть. В случае с капитаном Шпрее имело место тонкое проникающее взаимодействие.

– *Взаимо?*

Бреслау развернулся к Йохансону, и великан чуть не налетел на него.

– К этому я и веду! Иногда флуктуации континуума в поисках лакомых кусочков входят в ментальный контакт с психикой жертвы. Если человек выживает, у него сохраняются воспоминания о контакте. Куцые обрывки флуктуативного восприятия.

– И у Шпрее...

– ...они сохранились в большем объёме, чем у кого бы то ни было. Более того, этот момент оказался столь ярким, что полностью заместил собой нормальное человеческое восприятие. Ряд участков правого полушария вошёл в кси-резонанс с положительной обратной связью... – Йохансон осёкся, нетерпеливо пощёлкал пальцами в поисках подходящих слов. – Короче, сознание капитана зациклилось.

– На чём?

– На моменте взаимодействия с флуктуацией. Встало на «бесконечный повтор».

– Вы видели этот момент?

– Видел? Слишком простое определение. Но да, я видел.

– И что же там?

– Боюсь, мне не хватит слов.

– А вы *покажите*. Вы ведь сохранили энграмму?

Увидев, что телепат колеблется, Бреслау усилил напор:

– Я даю вам официальное разрешение на трансляцию энграммы в мой уникальный мозг. Устного разрешения достаточно? Или вам необходимо письменное?

«Письменный приказ?» – явственно звучало в подтексте.

– Я бы не рекомендовал вам этого делать.

– Я настаиваю.

– В таком случае, – тон Йохансона сделался официальным, – я предупреждаю вас о возможных негативных последствиях для вашей психики. Расстройства сна, неврозы. Эмоцио-

нальная неустойчивость. Депрессия, реактивный психоз, вплоть до возникновения навязчивых идей.

– У меня уже есть навязчивая идея. Вряд ли её сумеет перешибить другая.

Доктор Йохансон хотел поинтересоваться, какая именно идея овладела сознанием собеседника, но вовремя понял, что Бреслау шутит, и с раздражением фыркнул.

– Я настаиваю, – повторил Тиран.

– Здесь?

– Да, здесь.

– Что ж, как вам будет угодно. Присядьте.

Они вошли в беседку, объятую тёмным пламенем осеннего плюща. Несмотря на солнечный день, внутри царил багровый сумрак. Гладкая скамейка из хиззацкого ротанга пружинила. Тиран устроился поудобнее – словно перед показом фильма, пришло ему в голову. Удо Йохансон остался стоять, грозно нависнув над Бреслау. Солнце светило телепату в спину, и Бреслау видел лишь громадную тёмную фигуру – антропоморфный идол времен мегалита. От идола веяло первобытной жутью.

– Готовы?

– Готов.

Идол поднял каменную ручищу и стряхнул с пальцев каплю-невидимку. Бледная морозная молния ударила Тирану в лоб, точно между глаз.

Голова взорвалась.

IV

Голова? Он взорвался целиком.

Взрыв разнёс его на атомы, на элементарные частицы, фотоны, кварки, разметал по всей Ойкумене. Тем не менее, он продолжал мыслить и чувствовать. Кажется, у него даже было тело, но это больше не имело значения.

Выйдя за пределы трёх – четырёх? – жалких измерений, он блаженно впитывал бесконечность. Его пронизывали потоки света – энергии? излучения? вибраций? – даря ощущение единения с Мирозданием. Часть Вселенной, он в то же время продолжал существовать внутри неё подобно ребёнку в утробе матери. Он? Кто – «он»? Местоимение утратило смысл. Нет имени, нет пола, нет возраста...

Нет разницы между «сейчас» и «всегда».

Окружающий Космос не был пустым. Он пуст лишь для ущербных белковых медуз с их куцым восприятием. Лучи и волны, формы и содержания, отпечатки всего, что существовало, существует, будет существовать – Космос полнился бытием. Стада звёзд паслись на чёрных пажитях. Звёздные сосцы текли молоком и мёдом. Купайся в ласковых ручьях, пей сытное тепло, утоляющее жажду и голод.

Вокруг роились родичи. Стая. Семья...

Плоское. Серое.

Ненастоящее!

Картон декораций. Краска выцвела, облупилась...

Бреслау обнаружил себя лежащим на скамейке. Багровый сумрак сгустился, потемнел, поглощая те жалкие крохи красок, что ещё оставались в ущербном, выхолощенном мире. Бреслау моргнул: раз, другой. Сел, отчаянно замотал головой, пытаюсь вырваться из липких лап кошмара.

– Я вас предупреждал...

Голос Йохансона с трудом пробился сквозь слой сырой ваты. В голосе звучало сочувствие. Это помогло: Тиран терпеть не мог, когда ему сочувствовали. Раздражение сыграло роль путеводной нити – или, скорее, страховочного троса. С беззвучными ругательствами Тиран принялся выбираться из пропасти искаженного восприятия. Сморщенный воздушный шарик реальности наполнился воздухом, обретая привычный объём. Вернулись звуки, краски, запахи.

– Спасибо, – хрипло выдохнул Бреслау.

И закашлялся.

– За что?!

Судя по выражению лица склонившегося над ним Йохансона, телепат был всерьёз обеспокоен. Это доставило Тирану толику злорадного удовольствия.

– Теперь я понимаю, почему капитан Шпрее не желает возвращаться. Так воспринимают мир флуктуации?

Сомнения отразились на лице великана. Брови насуплены, губа закушена, складки на лбу, пальцы теребят завитки бороды – Бреслау едва не заплодировал. В том, что доктор Йохансон намеренно позволяет читать себя, как открытую книгу, Тиран не усомнился ни на мгновение. «Вот он я, весь на ладони!» Метод работал безотказно. Пациенты, небось, сразу проникаются доверием и симпатией к телепату, чьи мысли и чувства написаны на лице. Никаких ментальных способностей не нужно! В присутствии Йохансона пациенты чувствовали себя комфортно, что важно для врача.

– Не совсем так...

Казалось, диагност ступает по тонкому льду, готовому треснуть в любой момент.

– Поясните.

– Ощущения, которые вы только что пережили, были преломлены через психику капитана. Это восприятие восприятия, а не то, как действительно воспринимает мир... э-э... некое создание.

От Бреслау не укрылось, что Йохансон избегает слова «флуктуация».

– Продолжайте, доктор.

– Я уже исследовал ранее психику жертв флуктуаций. Включая тех, кто подвергся проникающему взаимодействию третьего типа. Совершенно иная картина: полное отторжение чужого восприятия на уровне подсознания. Ближайший аналог: отторжение донорских тканей при ранних попытках трансплантации в древности. Отталкивание одноименных зарядов. В результате психика пострадавшего сохраняла лишь невнятные обрывки. А здесь картина впечатляет, да? Вы сами имели возможность убедиться.

Мы стоим на одном льду, отметил Бреслау. Лёд логики и здравого смысла. Ещё шаг, и под нами разверзнется обжигающая бездна неведомого. Невероятного. Невозможного.

В первый раз, что ли?

– Какой из этого, по-вашему, следует вывод?

Тиран уже знал, какой, но хотел услышать ответ телепата.

– Психика капитана Шпрее не отторгла чуждое восприятие. Она вошла с ним в резонанс. У меня создалось впечатление, что перед атакой Шпрее находился в специфическом состоянии, сходном с медитацией. Один из его кси-ритмов совпал с аналогичным ритмом агрессора, что и привлекло это создание к капитану. В результате – проникающее взаимодействие...

– Вы повторяетесь, доктор. Хватит ходить вокруг да около.

– Вы решите, что я несу вздор.

– Не беспокойтесь. Я ни на миг не поставлю под сомнение вашу профессиональную компетентность.

– Кто из нас телепат? – улыбка Йохансона получилась вымученной. – Ну хорошо, это была не флуктуация. Психика капитана могла войти в резонанс лишь с психикой другого человека.

– Антиса? – уточнил Бреслау.

– Или коллантария. Я понимаю, что это бред, но иного объяснения у меня нет.

– Бред – моя стихия, Йохансон. Благодарю вас, вы нам очень помогли. Думаю, напоминать вам про подписку о неразглашении излишне? И последний вопрос. По вашему мнению, капитан Шпрее выйдет из комы?

– Шанс есть... Я не гематр, но дал бы пятьдесят на пятьдесят. У капитана Шпрее практически нет привязанностей, с помощью которых я бы его тащил наружу. Ни семьи, ни любимой женщины, ни близких друзей. Из увлечений – те же полёты. Он болен Космосом, потому и застрял. Похоже, он всю жизнь мечтал о чём-то подобном...

Йохансон замолчал, переминаясь с ноги на ногу. Хрустнул сплетёнными пальцами.

– Но я провёл лишь предварительную диагностику. Возможно, детальное зондирование выявит «рычаги возврата». Мне нужна квалифицированная бригада врачей-менталов. Один эмпат как минимум. Не могу дать никаких гарантий, но попытаться стоит.

– Ещё раз спасибо за помощь. Мы сделаем всё возможное, чтобы вернуть капитана. Не смею более вас задерживать.

Предположения, думал Тиран, возвращаясь в Управление. Гипотезы. Версии. Спектральные линии. Волновые слепки. Особенности поведения. «Психика капитана могла войти в резонанс лишь с психикой другого человека». Время гипотез закончилось.

Это антис. Это антис, чтоб его черти съели! Это антис, и он, чертяка, ел капитана Шпрее, как распоследняя флуктуация, год просидевшая на голодном пайке. Антис-людоед? Даже думать о таком не хочется.

А придётся.

V

– Счастлив видеть вас, гуру-махараджа.

– Не называйте меня так, – попросил Вьяса Горакша-натх.

– Присаживайтесь, умоляю. Очень тяжело человеку, подобному мне, – генерал Бхимасена встал на колени и сложил ладони перед грудью, – который связан тенетами материальной природы, достойным образом прославить ваши замечательные качества. Вы океан всех благосприятств. Ваша преданность, гуру-махараджа, вдохновляет меня...

– Не называйте меня так, генерал, – повторил гуру. – Вы не мой ученик, между нами нет отношений наставника и последователя.

Генерал понял, что шутки кончились. Руководитель антического центра на Чайтре, в прошлом – боевой офицер, Рама Бхимасена с иронией относился к йоге, с равнодушием – к ордену натхов, и с колоссальным уважением – к явившемуся в его кабинет гуру. О йогине генерал слышал достаточно, чтобы по достоинству оценить организаторские таланты этого человека. С такими людьми надо знать границы, какие опасно переступить.

Генерал встал. Отряхнул брюки, хотя на ковре, закрывавшем пол кабинета, не было ни пылинки. Посмотрел в глаза гостю:

– Как мне называть вас?

– Вьяса-джи. Этого будет достаточно.

– Тогда и вы зовите меня Рама-джи. Иначе я обижусь.

– Хорошо.

– Вьяса-джи, вы не из тех людей, кто ходит по официальным организациям. Давайте не будем впустую тратить время друг друга. Чего вы хотите?

– Покажите мне волновой слепок антиса, о котором спрашивал Ларгитас.

Не спеша отвечать, генерал прошёлся по кабинету. Натянул поглубже форменный ярко-алый тюрбан, одернул китель, сунул большие пальцы рук за пояс. Самый придирчивый наблю-

датель не нашёл бы в одежде Бхимасены ни малейшего изъяна. Гуру знал, что генерал просто тянет время, размышляя, и генерал знал, что гуру это знает.

– Время, – наконец произнёс Бхимасена. – Я обещал не тратить его впустую и сдержу слово.

– Это значит, – в голосе Горакша-натха не было и намёка на улыбку, – что вы не спросите меня, откуда мне известно про запрос?

– Да.

– Не спросите, где я услышал про волновой слепок?

– Да.

– Вы покажете мне его?

– Нет.

– Ответ окончательный?

– Нет. Я не покажу его вам до тех пор, пока вы не объясните мне, зачем вам это надо.

Вряд ли практика йоги требует от вас изучения антических слепков. Итак, зачем?

– Я хочу знать, точно ли этот антис – брамайн.

– И вы определите это на глазок?

– Если не определю, вы ничего не теряете. Если ошибусь, вы тоже ничего не теряете.

– Кроме головной боли за демонстрацию секретных материалов постороннему.

– Присланный слепок засекречен?

– Да.

– Лжёт.

– Лгу. Как вы определили?

– Вы – честный человек, Рама-джи. Ложь для вас – страдание, а значит, накопление. Ваш энергетический ресурс только что увеличился. Сказать, насколько? Могу отдельно рассчитать накопление от лжи, и отдельно – от сквозняка при вашем ревматизме.

– Это лишнее.

– Тогда начнём с начала: присланный слепок засекречен?

– Ещё не успели. С другой стороны, Вьяса-джи, вы объяснились, и теперь я, как честный человек... Ваше счастье.

Генерал опустил руку на сенсорную панель стола. Всплыла гроздь эллипсоидных голо-сфер, в них завертелся цветной калейдоскоп: линии, пятна, вспышки.

– Ещё раз, – попросил гуру. – С начала.

Калейдоскоп повторился.

– Это брамайн, – сказал гуру. – Это антис. Это *наш* антис.

– Доказательства?

– Вам нужны доказательства?

– Разумеется. Антический центр – учреждение цивильное, но я всё-таки военный, то есть солдафон, упрямый чурбан. Без доказательств я не поверю и собственной матери. Если у вас нет фактов, сотворите чудо, дабы я уверовал. Говорят, йогины стирают одежду в ледяной проруби, а потом сушат её жаром своего тела. Вы умеете сушить одежду, Вьяса-джи?

Гуру сел на пол, скрестил ноги и сосредоточился. Ряса шафранового цвета делала его похожим на сугроб, залитый апельсиновым соком. С минуту ничего не происходило, только серьги-кольца в ушах гуру начали раскачиваться без видимой причины. Затем сферы схлопнулись, как если бы их отключили с панели. Световое панно на стене – орёл-гигант распростер крылья над созвездием Хобота – задрожало, брызнуло снопами искр и превратилось в чёрную пустыню. Мяукнул аварийный зуммер, сообщая о внеплановом отключении компьютера.

– Вы могли бы взорвать мой кабинет? – с интересом осведомился генерал.

Впору было поверить, что он просит о взрыве.

– Не только кабинет, Рама-джи. Моей ауры хватит на всё здание.

– Вы бомба?

– В какой-то степени. Я не умею сушить одежду, но я – находка для террористов и подарок для циркачей. Я также вижу чужие ауры, вижу и анализирую. Назовите ауру волновым слепком, и ничего не изменится. Этот антис – брамайн. С отклонениями от нормы, но я тоже, извините, с отклонениями.

– Допустим. И что это значит?

– Вы уже отправили корабли на его поиски?

– Нет.

– Связались с другими антисами расы Брамайн?

– Нет.

– Ребёнок-антис, дитя брамайнов, потерялся в космосе, а вы и пальцем не пошевелили, чтобы его найти? Рама-джи, вы казались мне более благоразумным...

Жестом генерал велел гуру замолчать. Гуру подчинился. Он уже сказал всё, что требовалось.

– Ребёнок? – после долгого молчания произнёс Рама Бхимасена. С лица генерала потихоньку сползала краска. Минутой раньше щёки руководителя антического центра цветом напоминали его же багряный тюрбан. – Я готов поверить, что вы увидели в слепке антиса. Нашего антиса? Хорошо, поверю и в это. Но почему ребёнок? Не слишком ли много для визуального анализа ауры?

Гуру пожал плечами. Он продолжал сидеть на полу, позволяя генералу возвышаться над собой. Горакша-натх знал, что генерала это успокаивало. Нависая над собеседником, легче принять чужую точку зрения – если не из чувства сострадания, то из чувства превосходства.

– Ребёнок, – генерал вновь зашагал по кабинету от стены к стене. Зуммер отключился, засветилось панно. В дверь сунулся взволнованный секретарь, но генерал взмахом руки велел ему убраться вон. – Это всё меняет. Я не придерживаюсь вашей доктрины, Вьяса-джи. Я не верю, что наши антисы – аватары тех или иных божеств...

– Многие верят, – скучно заметил гуру.

– И что?

– Многие не поймут, почему антический центр не ищет священное дитя с первой же минуты, как о нём стало известно. А когда многие чего-то не понимают, они делаются опасны. Особенно если в их хоре звучит слово «священное».

– Вы мне угрожаете?

– Ни в коем случае. Я просто взвешиваю причины и следствия.

– О да, конечно! Впрочем, вы правы: если это ребёнок, если он гарантированно брамайн...

– Вы начнёте поиски?

– Да! И вовсе не потому, что вы меня к этому принудили. Это мой долг. Учтите, наши эксперты триста раз проверят слепок. Я пошлю запрос Злюке Кешабу: пусть брамайнские антисы подключатся к делу. И если всё подтвердится, если мы разыщем беглеца и вернём на родину, я первый рассыплюсь перед вами в благодарностях. А может, вам не надо благодарностей? Может, вы хотите чего-то конкретного? Если это в моей компетенции...

Гуру кивнул:

– Да. Я хочу конкретного.

– Чего же?

Генерал улыбнулся. Все люди – люди, даже йогины.

– Вы будете держать меня в курсе поисков, – теперь настал черёд улыбаться Горакша-натху. Улыбка мелькнула и сгинула без следа. – Самым подробным образом. Будете выслушивать мои соображения, если таковые появятся. Я не требую, чтобы вы непременно им следовали, но выслушать – это не так уж сложно. Когда же священное дитя вернётся на родину...

- Вьяса Горакша-натх наклонился вперёд:
- Вы включите меня в состав коллектива, который будет заниматься социальной адаптацией юного антиса.
 - Зачем? – изумился генерал.
 - Я буду учить его йоге. Я буду учить его, а он – меня. И поверьте, это пойдет на пользу нам всем.
 - Почему бы вам не обратиться ко взрослым антисам? Это проще, а главное, быстрее...
 - Обращался, – бесстрастно сказал гуру. – Они не хотят.
 - Не хотят учиться у вас?
 - Да. И учить меня – тоже.

VI

Временами Бреслау жалел, что не родился гематром. Вот, например, сейчас, в третий раз перечитывая ответ Рахили Коэн:

«У Совета антисов нет сведений как об антисах, отсутствующих в реестре Шмеера-Полански, так и о других подобных сущностях.»

Ответ, исчерпывающий в своей оскорбительной лаконичности. Пассаж о «других подобных сущностях» пресекал все дальнейшие вопросы, закрывая тему. Как будто допустить между делом, что в Ойкумене обитают и другие подобные антисам сущности – в порядке вещей! Родись Тиран гематром, воспринял бы это как должное. Вселенная для гематра – набор вероятностей. Вероятность события или явления может быть сколь угодно малой, но никогда не равняется нулю. А значит, невозможное – фикция; есть только маловероятное. С таким подходом возглавлять «Аномалию» – праздник, а не каторга. Опять же, Бреслау-гематр уже просчитал бы вероятности по трем вариантам:

1. Совет антисов действительно ничего не знает об Отщепенце.
2. Информация по Отщепенцу у Совета есть, но не вполне достоверная, они не спешат ею делиться.
3. Совет покрывает Отщепенца. Не желает выносить сор из избы, как говаривали пращурь. Если Отщепенец – антис-психопат, Совет сделает всё, что в его силах, чтобы избежать огласки и решить проблему по-тихому.

Сиди теперь, гадай...

Терминал булькнул – кто-то из сотрудников справился с порученным заданием. Пришли результаты. И булькнул снова. И ещё раз. Сговорились? Соревнование устроили? Не мудрствуя лукаво, Тиран открыл пришедший первым файл.

Нападения стайных фагов. Выборка отчётов о конкретных случаях. Статистика утверждала: число нападений стай растёт год от года. С двух случаев, произошедших десять лет назад, до одиннадцати в этом году. Тенденция? Причины? Нет, не сейчас. Ага, девять случаев с особой пометкой. Самый ранний – три года назад. Старший лейтенант Мунс постарался на совесть: моменты, указывающие на сходство со случаем Отщепенца, выделены красным. Сводная таблица данных: время, координаты, название, тип и порт приписки корабля, количество атаковавших флукуаций, их классы, ссылки на архивы... Везде фигурировали криптиды: от четырнадцати до двадцати девяти особей. И ничего (*никого?*) похожего на антиса. Два случая значились как неподтверждённые: выживших не осталось, аппаратура и базы данных повреждены.

Бреслау вывел в голосферу секторальную карту и принялся наносить пометки, сверяясь с координатами из таблицы Мунса. Пять минут спустя он, хмуря брови, смотрел, как в космиче-

ском пространстве вращается кривой эллипсоид – десяток рдеющих угольков. Сто семьдесят три на сто девятнадцать на восемьдесят четыре парсека.

Охотничьи уголья стаи?

Бреслау добавил ещё две отметки: точку нападения на «Веронику» и засечку стаи со сканеров «Разящего». Два новых уголька затеплились внутри эллипсоида: один на краю, другой – ближе к центру. Почему никто не заметил в стае Отщепенца? Не забил тревогу раньше? Либо он гуляет с фагами недавно, либо...

– Мунс? Спасибо за хорошую работу. У меня для вас новая головная боль. Заберитесь в архивы по всем девяти случаям, что вы мне прислали. Нужны максимально подробные данные по атаковавшим флуктуациям. Класс, подкласс, спектр, энергетическая мощность. Расположите их по временной оси – и сопоставьте. Да, ищем тенденцию. Жду.

Отключив связь, Тиран открыл следующий файл. На материалы Общества космобестиологов он с самого начала не слишком рассчитывал. Сборище фриков и энтузиастов не воспринимали всерьёз ни учёные, ни разведка, ни даже сам почётный председатель Общества профессор Штильнер. Знаменитый космобестиолог согласился принять сей пост только чтобы докучливые фанаты оставили его в покое, о чём не раз заявлял публично.

«...четыре «Ведьмака» и два звена волновых истребителей гнали это дивное безобидное создание через всю систему. Спаситись от озверевших преследователей бедолаге удалось лишь чудом, нырнув в червоточину континуума...».

Под «дивным безобидным созданием» имелась в виду флуктуация класса 4L-37+ – редчайшая во всех смыслах космическая скотина. Левиафан полгода терроризировал окрестности системы Бисанды. Отсмеявшись, Бреслау с чистой совестью отправил файл в стремительно пухнувший архив. Так, что у нас следующее?

«Антисы: гибель, исчезновения, инициации, «горячие старты» за последние десять лет». Всего пять пунктов:

1. Девять лет назад. Воху Манах, раса Вехден, антис. Умер от старости в возрасте ста семидесяти трёх лет на планете Михр. Смерть подтверждена.

2. Шесть лет назад. Эйра Иклеба, раса Вудун. Инициация в возрасте пяти лет; сопровождалась «горячим стартом». Погибло семь человек. Девять часов спустя девочка в сопровождении двух вудунских антисов вернулась на родную планету Оунага. Возвращение в малое тело прошло без эксцессов. Взята под опеку Вудунским антическим центром, воспитание и социализация проходят успешно. Настоящее местожительство – планета Оунага.

3. Четыре года назад. Хуришид Веретрагна, раса Вехден. Инициация в возрасте шести лет; сопровождалась «горячим стартом». Погибло сорок три человека. Юный антис также погиб в короне звезды Йездан. Смерть подтверждена вехденскими антисами, не успевшими перехватить мальчика.

– Не везёт вехденам с антисами, – пробормотал Бреслау. – Старик умер, мальчишка сгорел...

4. Два года назад. Шнеур-Залман Сегал, раса Гематр. Инициация в возрасте четырёх лет, без «горячего старта». Мальчик вернулся на родную планету Таммуз через тридцать семь минут после выхода в большое тело. Возвращение в малое тело прошло без эксцессов. Взят под опеку Гематрийским антическим центром, воспитание и социализация проходят успешно. Настоящее местожительство – планета Элул.

5. Три года назад...

Бреслау моргнул. Протер слезящиеся глаза. Ничего не изменилось: «три года назад». Все пункты были расположены в хронологическом порядке, но последний, пятый, выбивался из этой последовательности.

5. Три года назад. Подозрение на «горячий старт» малой мощности с варварской планеты Хельма. Трое (четверо?) погибли, одна выжившая. Рассматривались версии природной либо техногенной катастрофы; как вариант, теракта...

Разные версии? Ну да, варварская планета. Откуда на ней взяться антису? Одна выжившая?! При горячем старте антиса рядом не выживает никто. При близком по выбросу энергии теракте или катастрофе – тоже. Горячий старт малой мощности – это минимум полтонны тротилового эквивалента! Если же выжившая находилась далеко от эпицентра – зачем её вообще упоминать? Свидетельница?

Бреслау впился взглядом в скупые строчки.

...теракта. Спектр, температуру и мощность вспышки (взрыва?) удалось определить лишь приблизительно, ввиду отсутствия на планете системы постоянного спутникового слежения и соответствующей аппаратуры. Цель возможного теракта или причину предполагаемой катастрофы определить не удалось. Старт антиса не был подтвержден: в окрестностях планеты предполагаемого антиса не обнаружили. Таким образом, ни одна из версий не получила подтверждения. Никаких внятных объяснений случившемуся выжившая Мирра Джутхани дать не смогла...

Мирра Джутхани. Судя по имени и фамилии – брамайни. Спектр Отщепенца на семьдесят три процента совпадает со спектром брамайнского антиса! Горячо. Очень горячо! Вот-вот полыхнёт «горячим стартом»...

...дать не смогла, поскольку находилась в состоянии шока. Ступор перемежался истерическими припадками. Женщина выкрикивала: «Мой мальчик! Верните моего мальчика!» По всей видимости, сын женицины погиб при инциденте. Версия, что ребёнок Мирры Джутхани являлся антисом, чья инициация сопровождалась «горячим стартом», была признана бездоказательной...

Бездоказательной, подумал Тиран. А ну-ка...

Он ввёл в компьютер координаты планеты Хельма. В черноте виртуального космоса зажёгся новый уголёк. Зажёгся в самом центре зловеще рдеющей «фасолины» длиной в сто семьдесят парсеков – охотничьих угодий стаи криптидов.

Контрапункт

Редкая дрянь, или Костры во тьме

«Мы идем по канату, натянутому между двумя формами существования – физической, т. е. материальной, и энергетической, или лучевой. Если одна из опор каната исчезнет, канатоходец рухнет в бездну. Но пройдя весь путь до конца, мы перестанем нуждаться в канате. Структура мозга изменится в принципе, и новый организм – человечество – выйдет за пределы планет без помощи устройств различного рода.

Антисы свой путь уже прошли.»

Давид Мдичавури, «Дорога к звёздам»

– Дрянь, – с чувством произнёс военный трибун Тумидус.

Он принялся к бокалу, из которого только что отхлебнул:

– Редкая дрянь.

– Редкая, – согласился Думиса М’беки. Второй антис Китты держал по бокалу в каждой руке и отпивал попеременно, щёлкая языком от восторга. – Делают из пальмиры, это пальма такая, листья веером. В день ведро сока качают, понял? Бросят кусочек коры с ближайшего дерева – ну, с нормального, не с пальмы! – оно и бродит. Часов пять, может, шесть. Клевое винишко, им ещё язвы лечат, трофические.

– Внутренне?

– Наружно, чудак! Ты пробуй, пробуй. Оно с первого раза никому не нравится. И со второго тоже. Зато с третьего – за уши не оттащишь!

– Пива здесь не подают?

– Какое пиво, бро?

– Светлое. Любое светлое.

– Ну ты даёшь! Ты ещё киселя спроси...

Встречу М’беки назначил на фестивале пальмового вина. Мол, последний день радости, без вариантов. Понимая, что хочешь, не хочешь, а пить придётся, военный трибун оставил арендованный всестихийник на стоянке, взял аэротакси – и за двадцать минут до назначенного срока уже стоял на северной окраине Хунгакампы, за парком, любясь угрюмой облупленной семиэтажкой, похожей на жертву войны. Организаторы фестиваля, те ещё креативщики, отвели под мероприятие аутентичную копию завода докосмической эры, остановленного за недостатком средств. Заброшенность, разруха, трещины бегут по стенам. Серый, весь в щербинах бетон. Из оконных рам торчат осколки стекла. Главный вход был наглухо заколочен, войти пришлось со двора, протиснувшись между высоченной кирпичной трубой и ограждением из железной, местами проржавевшей сетки. В здании гуляли сквозняки. На лестнице под потолком висел музейный экспонат – древний мотоцикл с одним колесом. Второе колесо валялось прямо на ступеньках. Чтобы пройти под мотоциклом, не расшибив лоб, Тумидусу пришлось согнуться в три погибели. Он поднялся на третий этаж – сюда вели указатели, тоже допотопные, в виде фанерных стрел – спотыкаясь, выбрал по тёмному коридору в следующий двор, уже внутренний, и оглушительно чихнул.

Запах, а вернее сказать, штын здесь стоял одуряющий.

– Будь здоров, бро!

М’беки вывернул из-за голограммы, изображавшей кея Ростема IX в момент коронации. Что здесь, на Китте, делает царствующая особа Хордада, Тумидус не знал, но напротив кея приплясывал мелкий, чёрный как вакса живчик с плёночным фотоаппаратом – твою ж

мать! настоящий раритет! – и снимал в обнимку с безропотным Ростомом любого желающего. Голограмма при ближайшем рассмотрении оказалась вовсе не голограммой, а пластиковым манекеном, наряженным сообразно моменту. К слову сказать, сам М'беки, обычно предпочитавший шорты и цветастые разлетайки, сегодня вырядился щёголем: костюм-тройка, галстук, подтяжки, шляпа-котелок, тёмные очки. Костюм, правда, был ярко-малинового цвета, галстук – сиреневым, оправка очков – желтой, а подтяжки китянский антис нацепил поверх жилета, такого куцега, что из-под него на животе торчал пузырь шёлковой рубахи.

– Держи, не роняй!

В руке Тумидуса возник бокал, к счастью, чистый и пустой. Пустым бокал оставался недолго – М'беки, не зря носивший прозвище Акула, поволок жертву вдоль торговых рядов. В павильонах, таких узких, что продавцы еле помещались между двух стен, наливали всем желающим, выкрикивая наперебой:

– Огуро!

– Нсамба!

– Матанго!

– Нсафуфуо!

– Мнази!

– Пойо!

Военный трибун и глазом моргнуть не успел, как выпил, а потом выпил ещё. И, кажется, ещё. От частого употребления пальмовое вино – пенная кислятина – лучше не становилось, но организм начинал смиряться с насилием, и блевать тянуло не так сильно. Тумидуса хлопали по плечу, одобряли, поощряли. Не только Думиса М'беки, но и прочие вудуны вырядились на фестиваль в стиле «вырви глаз», в отличие от военного трибуна, одетого в форму помпилианских ВКС. Поначалу Тумидус чувствовал себя белой (во всех смыслах) вороной, но скоро понял, что различие в одежде не мешает торжеству дружелюбия. Он даже не очень разозлился, когда пузатый громила взял поносить его фуражку, взамен поделившись своей разлапистой панамой.

В конце концов фуражку вернули, и ладно.

Папа перезвонил, думал Тумидус. Папа перезвонил, как и обещал. Мы поговорили, и теперь, клянусь, я готов вытерпеть что угодно. Пусть хоть вином травят, хоть на куски режут. Лишь бы М'беки объяснил, что у них тут, гори они огнём, происходит. А М'беки объяснит, трезвый или пьяный, я из него объяснение клещами вырву...

– Иди сюда!

Военный трибун оттащил молодого антиса в сторону – туда, где на открытом огне пеклись рёбра какого-то животного, по всей видимости, тоже взятого из музея. Здесь было просторнее, и стояли две свободные лавки.

– Садись!

Вопреки ожиданиям, М'беки сел без возражений.

– Папа с тобой связывался? – спросил Тумидус.

– Ну, связывался.

– Приглашал?

– Ну, приглашал.

– Ты пойдешь?

– Шутишь, бро? Как я не пойду, если Папа пригласил? Да ещё на такое дело... Что я, по-твоему, должен сделать?

– Вызвать психушку, – честно объяснил Тумидус. – Помочь надеть на Папу смирительную рубашку.

– На Папу? Смирительную рубашку?

М'беки зашёлся хохотом. Из глаз его градом текли слезы. Похоже, идея смирительной рубашки, надетой на антиса, стала для М'беки шуткой года.

– Ну вот, – отсмеявшись, выдохнул он. – А говорят, у вас нет чувства юмора.

– У кого это – у вас?

– У помпилианцев. У гематров, значит, нет, а у вас аж два раза нету. Ты обожди, я ещё налью...

– Сиди! – Тумидус ухватил молодого антиса за рукав. – Давай с начала: Папа тебя приглашал?

– Ага.

– И ты пойдешь?

– Ага.

– А куда ты пойдешь? Куда тебя Папа приглашал?

– На проводы.

– На чьи проводы?

– На свои. В смысле, на его, на Папины.

– И куда мы, по твоему мнению, будем Папу провожать?

– Туда, – М'беки неопределённо махнул рукой. – В мир иной.

– Так он что, и вправду помирать собрался?!

– Вправду, бро, – М'беки стал серьёзен. Сделал глоток, покатав вино во рту, проглотил.

Дохнул перегаром: – В самую что ни на есть правду-матку. А ты что, думал, мы бессмертные? Мы, антисы?

– Смертные...

Военный трибун смутился. Он давно забыл, что значит смущение, и вспоминать об этом оказалось делом неприятным:

– Я видел, как вы гибли.

– Видел?

– Ну, не видел – слышал. Ведь гибли же, да? Папа, например, чуть не погиб у меня на глазах...

– В Астлантиде?

...конь, не похожий на коня. Всадник, не похожий на человека, вросший в конский круп. Так *под шелухой*, в фантазмагории галлюцинаторного комплекса Вейса, виделась ракета с ядерной боеголовкой, выпущенная астланами по эскадрам вторжения. Истошный визг. Брызги песка из-под мосластых лап. Песок? Кровь с золотыми прожилками. Сгусток прожорливых фагоцитов, разогнанный до космических скоростей, за миг до столкновения с вирусом – вот чем была эта ракета, всадник на бледном коне.

– В Астлантиде? – повторил М'беки.

...клешни-хелицеры. Протоки ядовитых желез. Яд капает на песок, и тот взрывается струйками вонючего дыма. Восемь глянцево-чёрных глаз в три ряда. *Под шелухой* Папа Лус-эро был страшен: когда ракета взорвалась, паук-гигант выпил из неё все соки. А люди, запертые в жестянках кораблей, видели только лучи и волны, силовые и магнитные поля, сцепившиеся в самых противоестественных комбинациях. Мы его вытащили, подумал Тумидус. Время платить долги, сказал я, и мой коллант выволок Папу из Крови – космического пространства вокруг Астлантиды, желудочного сока системы, кислоты, разъедающей могучих антисов. Для чего? Чтобы сегодня Папа вернул мне свой долг, пригласив на проводы?

– В Астлантиде, да? – в третий раз спросил М'беки.

Второй киттянский антис был слишком молод, чтобы его взяли в астланский поход. Прошло двенадцать лет, юноша превратился в мужчину, гонявшего стаи хищных флуктуаций по космосу, как акула гоняет косяк скумбрии, но М'беки по сей день завидовал тем, кто ходил в Астлантиду, завидовал со всей страстью, на какую был способен. Страсти такого рода губят

людей, побуждая кидаться в любую подвернувшуюся заваруху, и военный трибун надеялся, что с годами М'беки перерастёт эту опасную зависть.

– Да.

Тумидус кивнул, хрустнув затёкшей шеей. Залпом допил все, что оставалось у него в бокале, и пошёл за добавкой. Пока он ходил, М'беки сидел на месте, не двигаясь, что само по себе было чудом.

– Когда я умру, – сказал Тумидус, вернувшись, – я просто умру, без затей. На моих похоронах оркестр сыграет траурный марш. Восемь десантников встанут к гробу в почётный караул. Да, ещё салют: три залпа.

– Почему три? – заинтересовался М'беки.

– По уставу. Вряд ли я рискну приглашать кого-то заранее. Даже если буду понимать, что вот-вот умру – нет, не приглашу. Кто захочет, тот придёт. Как умирают антисы, парень?

М'беки молчал.

– Как? Вот я лежу на смертном одре. Размышляю: могу ли обмануть смерть? В одиночку мне не выйти в большое тело. Без своего колланта я – никто, кусок мяса, обременённый горсткой мозгов. Уговорить колланта, чтобы они вышли в космос со мной-умирающим? Это самоубийство. Нет никаких гарантий, что я выживу в большом теле. Умру я, и моим коллантиариям тоже конец. Без меня колланта распадется, и заледеневшие трупы поплывут в вакууме. Ну хорошо, допустим, я выживу. Но коллантиариям рано или поздно придёт время вернуться на планету. У них дела, семьи, обязательства. Они вернуться, я вернусь тоже, точно таким, каким стартовал – и сразу умру. Ладно, это я, член колланта. А вы, урождённые антисы, одиночки? Так как же всё-таки умирают антисы, а?

– В теории, – буркнул молодой антис.

– Умираете в теории?

– Нет. Я знаю, как умирают антисы, в теории. Я ещё ни разу не умерал.

– А на проводах бывал?

– Нет. Папины – первые. Я и не рассчитывал, что меня пригласят.

На импровизированной сцене застучали барабаны. Басовый рокот дунумбы, звонкие вскрики джембе, уханье кенкени. Ладони и пальцы музыкантов, обнажившихся перед выступлением до пояса, гуляли по туго натянутой коже: бычьей, козьей, и ни грамма синтетики.

Вокруг сцены начали танцевать.

– Смерть, – М'беки огляделся, словно впервые сообразил, где находится. Сцена, павильоны, тысяча сортов вина. Гуляки в попугайских костюмах. Действительно, смерть, как тема разговора, мало соответствовала фестивальному настроению. – Смерть, бро, это угроза. Угроза жизни, понял?

– Да неужели? – взорвался Тумидус. – А я-то, дурак, и не знал!

– Не рви глотку. Много ты знаешь об угрозе жизни...

Военный трибун обеими руками взял себя за горло и сдавил. Это был единственный способ промолчать. Иначе Гай Октавиан Тумидус рассказал бы самонадеянному молокососу об угрозах жизни, гонявшихся за помпилианцем по пятам.

– Задохнешься, бро. Кончай давить, не в цирке, – М'беки снял шляпу, водрузил её на колено и стал приглаживать воронье гнездо дредов, заменявшее антису прическу. По содержательности этот процесс мало чем отличался от самоудушения Тумидуса, но М'беки было всё равно. – Истинно говорю тебе, смерть – угроза жизни. Вот, к примеру, шамальнули тебе в затылок из игольника. Угроза?

– Угроза, – согласился Тумидус.

– И что ты сделаешь?

– Сдохну. С размозженным затылком.

– А я что сделаю?

- Ты? Какой дурак в тебя стрельнет?!
- А ты напряги фантазию. Из игольника, а? В затылок?
- М'беки стукнул ребром ладони по котелку:
- Что я сделаю?!
- И ты...

Военный трибун прикусил язык. Ну да, конечно. Смерть – угроза существованию малого тела, жалкой людской плоти. В таких случаях реакции антисов идут на сверхсветовых скоростях. Игла летит на сверхзвуке, луч из армейского лучевика идёт на свете, а реакция этого шалопа в малиновом костюме, хлещущего пальмовое вино, как воду – на сверхсвете... Значит, Думиса М'беки выйдет в большое тело, превратится в сгусток волн и полей, неуязвимый для хилого человеческого оружия, и стартует в космос раньше, чем луч достигнет уязвимого затылка. Чёрт возьми! Антис стартует раньше, чем произойдёт выстрел – феномен «обратного времени», возникающий при сверхсвете, реакция на событие, прежде чем событие произойдёт. При «горячем старте» М'беки превратит стрелка в пепел, а если пожелает – и полгорода вокруг себя. Бывали случаи...

– В самое темечко, бро, – М'беки ухмыльнулся, сверкнув белыми зубами. Лицо собеседника он читал лучше, чем текст в сфере коммуникатора. – Стартану, и ваших нет. А теперь представь: лежу я старенький, и вот смерть с косой. Замахнулась костлявая... Что я сделаю? Ты помрёшь, это мы помним. А я?

– Пуфф! – одними губами выдохнул Тумидус.

– Верно мыслишь. А я раньше, чем кони двину, выйду в большое тело. Из малого в большое, врубился? Лежал куском дерьма, и раз – лечу вольной птичкой. В смысле, плыву вольной акулой по бескрайним просторам космоса. Клёво, бро?

– Ну, клёво, – согласился военный трибун.

Он ждал подвоха. Он имел на то основания.

– Главное, назад не возвращаться, – развивал идею антис. – Вернись-то я таким, каким ушёл! В смысле, без пяти секунд дохлым. Вернись, а тут смерть, коса, взмах – раз, и я опять в космосе. Нет, возвращаться нельзя, лучше акулой по бескрайним. Без возврата, понял? Навсегда. В большом теле – навсегда, во веки веков. Без малого.

– Не представляю, – честно признался Тумидус. – Совсем без малого тела?

– Ага.

– Без всего этого?

Военный трибун похлопал себя по груди, по плечам. Привстал, похлопал по заднице.

– И без этого тоже, – согласился М'беки. – Обожди, я быстро...

Он сходил за вином, поднял бокал в странном жесте. Решив, что молодой антис собирается произнести тост, Тумидус поднял свой бокал в ответ, но М'беки вместо тоста произнёс с кривой улыбкой:

– И без этого. Не представляешь, бро? Не въезжаешь? Я тоже. И знаешь, почему? Молодой я ещё. Состарюсь – представлю, въеду. Для того Папа и зовёт. На проводах всегда бывает кто-то молодой, из наших. Традиция! Смотрим, жизни учимся. Смерти учимся. Провожаем...

– Провожаем?!

Тумидуса как током ударило:

– Вы что, его и в космос провожаете? Покойника?! Ну, не покойника... Не знаю, как назвать. После смерти малого тела – провожаете, да?

– Да. Недалеко: рядом покрутимся и назад. Наши, кто с опытом, предупреждали: они не любят, если долго рядом тусоваться. Долгие провода – лишние слезы. Почти сразу улетают, и привет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.